

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Серия: История России. XX–XXI вв.

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
XX–XXI вв.:
ВЛАСТЬ, ПАРТИИ, ОППОЗИЦИЯ

2-е издание, исправленное и дополненное

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

Коллектив авторов

**Учебник Российский
политический процесс XX-XXI
вв. Власть, партии, оппозиция**

«Южный Федеральный Университет»

Коллектив авторов

Учебник Российский политический процесс XX-XXI вв.
Власть, партии, оппозиция / Коллектив авторов — «Южный
Федеральный Университет»,

ISBN 978-5-92-752589-8

Авторы учебника исходят из того, что политический процесс в России был связан с самоутверждением разноплановых политических сил, представители которых осознавали необходимость модернизации России. Обращается внимание на то, что сам факт возникновения партий в начале и в конце XX в. отражал определенный динамизм общественно-политических подвижек, попытку реализации российского демократического транзита, в частности, прохождение стадии либерализации. Поэтому особое место уделено специфике власть-общественных отношений, в частности, возникновению партий, общественных движений, характеру формирования и логике развития различных политических программ и идеологий. Материал всех основных периодов истории России XX-XXI вв. объединен проблемой «власть и оппозиция» с идентификацией тех или иных ее вариантов, формировавшихся в ходе трансформации политической системы в целом. Значительное внимание уделено современной многопартийности, в том числе на региональном уровне. Издание предназначено для преподавателей, студентов, школьников старших классов и всех, кто интересуется проблемой взаимоотношения власти и общества в новейшей истории России.

ISBN 978-5-92-752589-8

© Коллектив авторов
© Южный Федеральный Университет

Содержание

Введение	6
Глава 1	15
1.1. Левый радикализм в России: неонародники и социал-демократы	16
1.2. Консервативные партии в России в начале XX в.: лидеры, идеология и практика	32
Глава 2	47
2.1. Общенациональная оппозиция авторитарному режиму и ее легализация	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Российский политический процесс XX–XXI вв.: власть, партии, оппозиция

Введение

В настоящее время профессиональная историография, осмысливая последствия недавнего историко-публицистического бума, постепенно приобретает и наращивает весьма прагматичные научные самооценки, отказываясь от поиска абсолютно истинного метода реконструкции прошлого и предлагая взглянуть на него сквозь призму не одной, как было ранее, а нескольких идеологических систем. Именно таким методологическим подходом руководствовались авторы данного учебника.

Это позволило не только углубить процесс конструирования объяснительных моделей прошлого и настоящего, но и шире взглянуть на некоторые факты и события, рассматривая интеллектуальную и политическую состязательность оценок их участников как важную составляющую российского политического процесса в целом. В данном учебнике авторы сосредоточили внимание на узловых проблемах его истории.

Прежде всего, материал структурировался таким образом, чтобы раскрыть многомерность политического процесса как главного условия, определяющего, с одной стороны, социальные функции партий и различных общественно-политических сил, особенно в «критических точках истории», с другой – появление множества альтернатив, которые реализовывались как результат сознательного выбора или отказа от него представителей властных элит и партийных лидеров.

Во-вторых, авторы стремились актуализировать изложение за счет показа уровня открытости политической линии действовавших в начале и возрождавшихся в конце XX в. партий, путем выявления объективных и субъективных факторов формирования их политики и выделения приоритетных направлений ее реализации на том или ином этапе. Внимание акцентировалось, в первую очередь, на рассмотрении соотношения теоретических моделей, сконструированных партийными идеологами, и социальных реалий, имевших место на каждом отрезке времени. При этом предпринимались попытки выявить характер противоречий, заложенных в данном соотношении, а именно: уточнить, оказалась ли непредсказуемой действительность, т. е. складывавшаяся конкретная ситуация; или исходные исторические установки уже в первоначальном варианте были утопичными; или допускались серьезные ошибки и непоследовательность в ходе претворения в жизнь основных теоретических концепций, интеллектуальных проектов и т. д.

В-третьих, при формировании фактологической модели отдельных глав и параграфов авторы исходили из того, что развитие политических ситуаций представляет собой сопряжение двух отправных начал – объективно-заданного и субъективно-волевого. Поэтому значительное внимание в пособии уделяется раскрытию природы политического лидерства, в частности – анализу поведенческой линии тех или иных партийных руководителей, мотиваций их поступков и предпринимавшихся действий.

Изучение содержания российского политического процесса, безусловно, предполагает показ места и роли основных политических партий России на фоне сложных процессов общественного развития страны и изменения форм государственности, что, как правило, было связано с попытками ее модернизации. Сегодня многие политологи и историки считают, что политические партии сами являлись продуктом общемирового процесса модернизации, одно-

временно формируясь и функционируя в специфических условиях каждой страны, будучи органически связанными с типом ее исторического развития, традициями, культурой, ментальностью [1]. В ведущих европейских странах синхронного типа развития процесс формирования партий в своей основе протекал органическим путем и занял довольно-таки длительный период. В стране же асинхронного развития, к числу которых принадлежала и Россия, модернизация носила спонтанный, скачкообразный характер и инициировалась «сверху», верховной властью, претендующей на роль единственного выразителя и защитника общегосударственных интересов. Спрессованность общества и государства была максимальной; общество не располагало необходимой автономией от властных структур, постоянно стремясь в этой связи к дистанцированию и самоорганизации.

Поэтому развитие политического процесса в начале XX в. в России не могло не иметь определенных особенностей [2]. Так, в качестве специфических черт процесса возникновения партий сегодня выделяются наиболее часто следующие моменты: невысокая политическая культура с архаическими оттенками, предопределившими заметный налет иллюзорности и утопичности программных установок поведения; отсутствие устойчивой социальной базы, в силу чего они скорее сформировались как производное не социальных связей, а духовного настроения общества, складываясь на базе того или иного комплекса идей; их особая оппозиционность, направленная не только на систему власти, но и на отношения друг к другу; их слабая способность к компромиссу и склонность к политическому радикализму; персонификация элит, когда имидж партий определялся авторитетом узкого круга популярных политиков, озвучивших программные положения своих организаций и стремившихся к их идеологическому размежеванию; наконец, достаточно «запоздалое» их возникновение.

Целенаправленное изучение политического процесса также предполагает обязательный анализ партийных систем, их структурирования, характера функциональной заданности. Это тем более необходимо, если учесть, что с политической точки зрения партийные системы являются «вторым важнейшим каналом осуществления власти». Однако на сегодня, как отмечают авторы, данная проблема является недостаточно разработанной в концептуальном отношении. В учебнике она рассматривается, прежде всего, путем фокусирования внимания на формировании партийных систем в ходе противоборства двух ведущих сил (реформаторов и консерваторов), отождествляемых с борьбой между политическими лидерами и различными ветвями государственной власти. Одновременно для России с ее специфическими циклами развития было характерно постоянное присовокупление к вышеназванным политическим силам третьей – революционной (экстремистской). Тем более что за весь XX в. политический процесс так и не выработал не только механизма, но и достаточно действенных средств своевременного воздействия общества на власть с целью подталкивания ее к органичным реформам и разрешению возникавших социальных проблем. И даже проводя реформы «сверху», власть чаще всего действовала как сила маргинальная, не умевшая корректировать их ход в соответствии с импульсами, шедшими «снизу», и не улавливавшая своевременно настроения критической массы социальных коллизий.

Само возникновение партий было вызвано попыткой самоутверждения политических сил, представители которых осознавали необходимость модернизации, либерализации и последующей демократизации России. Представителями революционного крыла последнее отождествлялось с ее социализацией. Отличительной особенностью российской многопартийности стало ее формирование в русле противоречивых изменений в системе социальных отношений и в государственном устройстве России. В этом плане российская многопартийность начала XX в. не создавалась целенаправленно, а складывалась спонтанно как результат деятельности политически активного элемента, в первую очередь из представителей интеллигенции. И все-таки сам факт возникновения партий отражал определенный динамизм политического про-

цесса в России в начале века. Российские партии разрабатывали и утверждали свои программы, определяли и корректировали стратегические и тактические установки.

Можно спорить о том, сложилась или не сложилась в тех условиях традиция конституционализма и парламентаризма в России, могли ли стать сами партии решающим фактором ее демократизации, но, видимо, вряд ли правомерно отрицать наличие таких попыток у большинства из них, как, впрочем, и стремления к блокированию по отдельным вопросам политической тактики.

В этой связи важным представляется вопрос об определении существовавшего в России типа партийной системы. В настоящее время исследователи выделяют несколько типов, в первую очередь отличавшихся друг от друга количеством втянутых в орбиту функционирования партий, например, однопартийная система с партией-гегемоном или преобладающей партией, многопартийная система ограниченного плюрализма, система поляризованного плюрализма, атомизированная партийная система. Последние две рассматриваются в качестве партийных систем переходного характера [3].

Типизировать возникшую в годы первой русской революции систему партий можно лишь с известной долей условности. Ведь речь идет о ее становлении в условиях авторитарного режима, когда некоторое осознание недопустимости перехода от политической конфронтации к решению проблем насильственным путем ощущалось не только в либеральных и радикальных, но и в правительственных кругах. Однако самодержавная власть оказывалась не в состоянии не только контролировать, но и вовремя осознать происходившие процессы. Еще менее режим планировал расстаться с неограниченной властью, хотя и вынужден был легализовать образовавшиеся партии и пойти на существенные изменения в государственном строе, допустив создание нового представительного законодательного органа – Государственную думу.

Впервые в истории страны, официально признав факт существования партий, царский Манифест 17 октября заложил на 12 лет методологию действий власти по отношению к ним. Суть этой методологии, возведенной последующими действиями правительства в ранг политики, можно определить следующим образом: всякая оппозиция – в целом нежелательное, а когда это возможно, и недопустимое явление, но, если возникает необходимость считаться с нею, предпочтительнее навязывать ей правила игры «сверху», меняя их в зависимости от соотношения сил в политической палитре.

Созывом первой Государственной думы открылась первая страница истории российского парламентаризма, которая пришлась на период революционного возбуждения масс. Думой «надежд» называли современники первое в стране подобие парламента. Естественно, каждая политическая сила связывала с ней свои прогнозы, которые, как показал опыт, были весьма различны: одни партии смотрели на Думу как на трибуну для заявления о своих политических лозунгах, другие – как орудие реализации своих программных задач; беспартийные депутаты – большинство из которых представляло интересы крестьянства – пытались через Думу решить аграрный вопрос. В сознании значительной части населения присутствовала вера в возможность «мира царя с Думой».

В структуре происходивших политических подвижек находилось место почти всем: самобытникам и националистам, западникам и славянофилам, либералам и консерваторам, революционным и либеральным народникам, эсерам, анархистам, социал-демократам, тем, кто регламентировал свою деятельность как партийное самообразование и тем, кому еще предстояло подойти к осознанию своей самодостаточности. Однако действительные механизмы взаимодействия власти с политическими партиями не были созданы, более того, правительство пыталось не замечать выступления их активных лидеров в Думе, партийная протосистема искусственно отдалялась от настоящей политики и была предельно атомизирована. Атомизированный характер партийной системы особенно проявлялся, с одной стороны, в ее изолированности от властных отношений и социально-экономических процессов, с другой – в слабой

зависимости партий друг от друга; т. е. партийная система находилась по существу в нефункционирующем состоянии в силу недостаточной устойчивости, малоизвестности политической репутации у большинства партий, и особенно в связи со специфическими условиями функционирования в рамках авторитарного режима. Партии по существу не играли заметной роли в формировании политической элиты общества и его политических институтов. И хотя в первой Государственной думе из 478 депутатов 182 человека были представители одной партии – кадетов, а председателем ее был избран кадет С. А. Муромцев, но даже со столь внушительной фракцией правительство не считалось, игнорируя их требования амнистии политическим заключенным, «ответственного министерства», ликвидации «земельного голода» крестьян, а спустя 72 дня и вовсе прекратив работу первого представительного органа.

Дальнейшая корректировка условий функционирования российских партий и степени их включенности в политический процесс опять-таки осуществлялась властью преобладающими, определявшими вектор движения политической системы в том усеченном пространстве, которое ей было отведено. Но не считаться с новыми политическими реалиями правительство уже не могло.

Опыт первых двух Дум показал самодеятельность условия работоспособности «общероссийского представительства» – это успокоение страны и устойчивое правительственное большинство. Данное условие работоспособности Думы обеспечивал соответствующий избирательный закон, обнародованный 3 июня 1907 г. и предусматривавший сословные выборы. Естественно, в III Думе преобладали те партии, которые твердо встали на путь сотрудничества с правительством. Руководящее положение заняли октябристы, которым удалось провести в III Думу 154 депутата, т. е. на 112 больше, чем в предыдущую. Эта партия, представлявшая правое крыло либералов, обладавшая реальной экономической силой, была не склонна оставлять в неприкосновенности самодеятельность. Октябристы требовали «делового» контроля над хозяйственной политикой и финансами.

Кадеты – левое крыло либералов – заплатили за свою излишнюю оппозиционность в революционные годы потерей значительного числа депутатских мандатов. Если в I Думе они имели 182 места, во II – 98, в III – только 54 места. А вместе с примыкавшими к ним фракциями прогрессистов и национальных либералов имели 108 членов. Резко сократилось представительство трудовиков (со 104 во II Думе до 14 – в III) и социал-демократов (с 65 до 19).

На первых же заседаниях Думы сложилось большинство правых и октябристов, составлявших 2/3 от всей Думы (300 членов), хотя между ними и существовали противоречия. Октябристы настаивали на расширении прав земского и городского «самоуправления» и признавали «конституцию» 17 октября, правые по этим вопросам занимали противоположную позицию. Это вынуждало октябристов в ряде вопросов искать союзников в лице кадетов. Так сложилось второе, октябристско-кадетское большинство, составлявшее немногим менее 3/5 состава Думы (262 человека). Существование двух блоков – правооктябристского и октябристско-кадетского – позволяло правительству и его новому премьеру П. А. Столыпину проводить политику лавирования (он сам это понимал и назвал проведением «равнодействующей линии»).

Важная роль, которую играла в общественно-политической жизни третьеиюньской России стабильно функционировавшая Государственная дума, способствовала укреплению партийной системы. В ее недрах зародились новые партии: националистов и прогрессистов, достаточно активно действовали основные партийные фракции. Как следствие, произошла кристаллизация партийного кокуса, т. е. собственных внутренних партийных элит; усилилась возможность межпартийного взаимодействия в новых условиях, когда основным стимулом партийно-политических перегруппировок стала не теоретически понимаемая общность программных установок, а прагматизм и политический расчет (аграрная, военная, судебная, орга-

нов местного самоуправления и другие реформы). Именно отсюда – и возникновение достаточно крупных политических блоков.

Таким образом, можно считать, что в эти годы партийная система России соструктурировалась настолько, что, преодолев состояние атомизированности, начала приобретать признаки поляризованного плюрализма, связанного прежде всего с определенной степенью ее стабильности. Вместе с тем и это является отличительной особенностью такой системы, происходило сосуществование двух, формально взаимоисключающих («правой» и «левой») оппозиций правящему режиму, готовых на антисистемные действия, т. е. отличавшихся своеобразным типом политического поведения, выразившимся в призывах к действиям, направленным на подрыв или насильственное свержение существующего строя. Одновременно имела место предельная поляризация мнений и преобладание центробежных тенденций над центростремительными и, как следствие, предельно ограниченные возможности для политического маневрирования. Не случайно П. А. Столыпину так и не удалось довести реформы до конца, постоянно наталкиваясь на сопротивление и справа, и слева, а III Государственная дума так и не смогла стать инструментом реформирования страны. С уходом с политической сцены Столыпина авторитарный режим окончательно вступил в полосу стагнации, а затем и собственного саморазрушения в феврале 1917 г.

Переход России от авторитарного режима к демократии оказался весьма болезненным. Россия на короткое время стала самой свободной страной в мире. Последнее признавал и лидер большевиков – Ленин. После февральской революции начался процесс перерастания поляризованной партийной системы в многопартийную систему с ограниченным плюрализмом. Процесс этот проявился не только в сокращении числа реально действовавших партий, но и главным образом – хотя бы во временном усилении роли центризма в политической жизни страны в целом и во внутренней жизни ведущих партий путем сдвига идейных позиций к центру политического спектра и полному устранению из него крайне правых сил. Проявлением этого процесса стала также попытка создания общего пространства «гражданского согласия» через формирование правительственных коалиций и отработку базисных принципов общественного устройства.

Однако демократическая альтернатива, в течение восьми месяцев 1917 г. успевшая трансформироваться из либерально-демократической в радикально-демократическую, не осуществилась. Слишком тяжелым наследием для новой России оказалась мировая война, а также многолетний острейший кризис системы, не преодоленный падением самодержавия, а в чем-то даже усиленный этим актом. Резкое усиление радикализма, а порой и прямого озлобления масс, соединенного с пережитками традиционного общинно-уравнительного массового сознания, сделало нереальной либерально-демократическую альтернативу, связанную с формированием стабильного политического режима и гражданского общества.

Большевики сумели решительно оседлать революционно-анархическую стихию для захвата власти и осуществления своей идеологической доктрины. Страна на долгие годы была обречена на существование авторитарного, а со временем и тоталитарного режима, хотя, безусловно, данные десятилетия не стали периодом всеобщего смирения и послушания. Идейный плюрализм, воплощавший традиции русской общественной мысли предыдущего столетия, не мог получить политического выражения в рамках сложившейся в СССР системы. Попытки внесистемного оппонирования властям приводили к конфликту системы и человека, в котором человек неизбежно становился жертвой. Впрочем, чтобы стать жертвой достаточно было лишь подозрения в нелояльности системе, малейшего намека на неверность «генеральной линии», идеологии правящей партии или вождю лично. Люди мыслящие и творческие неминуемо нарушали границы дозволенного, выбивались из общего строя. Система облекала их в образ «врагов народа» и противопоставляла мобилизованным рефлексирующим массам строителей коммунизма.

Вместе с тем система тоже нуждалась в них – людях беспокойных и ищущих, торопящих прогресс, обеспечивающих военную и идеологическую конкурентоспособность государства на международной арене. Эти люди находили себе применение в сферах, где творчество было профессиональной функцией, задачей, – составляли так называемую творческую и научно-техническую интеллигенцию. Сталин локализовал и поставил под контроль их деятельность, заперев в «шарашки» и «творческие союзы». Но уже «оттепель» 50–60-х годов XX в. породила уникальное общественное явление: дискуссии «физиков» и «лириков» – идейное и эмоциональное состязание молодежи в творчестве, которое разрушало тоталитарность и догматизм и неизбежно имело политические последствия.

Во второй половине 60-х годов XX в. система скорее инстинктивно, чем сознательно, «подморозила» страну. Однако в силу целого ряда факторов эти заморозки имели неожиданные последствия: система оказалась способна контролировать скорее формы, нежели содержание общественной (и не только общественной) жизни в стране.

Во-первых, открытая критика сталинизма и разрушение машины массовых репрессий, освобождение политзаключенных и их частичная реабилитация в период «оттепели» имели важным последствием пробуждение политической активности вне партийных и прочих «общественных» структур. Расстрел новочеркасских рабочих в 1962 г. и бульдозерная атака на художественную выставку не могли остановить этот процесс. Нарождавшееся диссидентское движение можно было замолчать, загнать в подполье, окрестив антисоветским, но нельзя было представить его участников врагами народа, и было бесполезно и даже рискованно искать у народа поддержки в их травле. Более того, общество стало главным потребителем продукции диссидентского «самиздата»: произведений М. Булгакова, И. Бродского, А. Солженицына... Идеологи диссидентства – А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын и Р. И. Медведев – продолжили традиции русской общественной мысли в поисках ответов на вопросы об исторической судьбе и путях развития России в рамках соответствующих парадигм: либерально-западнической, почвеннической и социалистической. Разгром диссидентского движения в конце 70-х годов XX в. не перечеркнул его опыт и значение как предтечи современной многопартийности. Тактика и идеологические разработки были приняты на вооружение неформальным движением.

Во-вторых, «оттепель» 50–60-х годов XX в. породила прецеденты массового неконформизма, более того, неконформизм стал своего рода модой двух последующих десятилетий, меняясь лишь в формах проявления и причудливо преломляясь в поведении и культуре различных социальных слоев. «Физики» и «лирики» не исчезли, а составили поколение шестидесятников – поколение, аккумулировавшее, но не реализовавшее огромную энергию. Молодежь 70-х, хотя и была «охвачена» системой многочисленных «самодеятельных» общественных организаций, но все больше тяготела к андеграунду, охотно впитывая «тлетворное влияние Запада». Этому способствовала информационная революция. С одной стороны, советское информационное пространство объективно перестало быть закрытым. Западные радиостанции стали альтернативным источником информации для советских людей, что уже в середине 70-х годов XX в. нашло подтверждение в устном народном творчестве: «Есть обычай на Руси – ночью слушать Би-Би-Си». С другой стороны, в стране формировалась и получила широкое распространение альтернативная, неформальная, деидеологизированная культура. Барды, шансон и рок не конкурировали с министерством культуры и творческими союзами в борьбе за умы и сердца граждан, поскольку были востребованы и порождены самим обществом. Гонения на авторов и исполнителей приводили к ещё большей популяризации их творчества и бумерангом били по Системе, вели ко всё большей потере доверия к властям со стороны граждан. Миллионы советских людей стали сопричастны своеобразной культурной оппозиции Системе.

Кроме того, особенностью данного периода стала персонификация ответственности руководителя за принимаемые им решения как политического, так и социально-экономического характера. Характерной чертой явилось привлечение общества в качестве контролиру-

ющей (1960–1984 гг.) и направляющей (1985–1990 гг.) силы в формировании основных форм и способов реализации государственных реформ.

В-третьих, наряду с информационно-культурным сложился и другой андеграунд – социально-экономический. Имеется в виду не столько теневая экономика, значительно выросшая в 1970-е гг., сколько система горизонтальных межличностных связей, ставшая реальной альтернативой официальной, формализованной системе распределения благ. Неформальные отношения были мотивированными и устойчивыми. Причем, постепенно и эти горизонтальные связи локально структурировались: например, в стране резко выросло число любительских клубов и ассоциаций, не идеологизированных и объединявших граждан, имевших общие интересы, далекие от интересов государства, и осознавших необходимость организации для их действенной защиты.

Именно эти структуры, наряду с молодежными и правозащитными неформальными кружками, группами и клубами, стали первым источником партогенеза в конце 1980-х гг. Их приход в политику, спровоцированный призывом М. С. Горбачева к общественной поддержке перестройки, и на волне гласности и демократизации был столь массовым и масштабным, что для обозначения данного явления понадобился специальный термин – «неформальное движение».

Неформальное движение было откровенно протестным и антиноменклатурным. Взгляды большинства активистов представляли собой гремучую смесь устремлений к социальной справедливости и к свободе в либеральной версии. Не случайно первые протопартийные структуры, выросшие в 1987–1990 гг. преимущественно на базе неформального движения, имели откровенно антикоммунистический («Демократический Союз» и Демократическая партия) или социалистический характер (например, Социал-демократическая Ассоциация), порой сочетая одно с другим.

Общественные инициативы на рубеже 1980–1990-х гг. развивались в разнообразных формах: во-первых, в виде добровольческих организаций, обществ и структур, таких как комитеты матерей, ветеранов, клубов по интересам и т. п.; во-вторых, в качестве инициативы отдельных граждан, что выражалось, прежде всего, в письмах и обращениях с предложениями политического и социально-экономического реформирования, жалобах на местные партийные, государственные и хозяйственные органы и т. д.; в-третьих, в форме разнообразных народных комиссий и комитетов, созданных при местных органах власти.

С развитием кризиса внутри КПСС одним из его знаковых симптомов стало появление дискуссионных клубов, в которых объединились коммунисты, выступавшие за обновление партии и партийной идеологии. Взаимный интерес неформалов и участников дискуссионных клубов друг к другу привел к их идейному и организационному сближению, в результате которого, с одной стороны, произошла идейная радикализация и активизация партклубов, а с другой – неформальные структуры вышли на качественно новый уровень, опираясь на знания, компетентность и опыт коммунистов-обновленцев. Именно под влиянием партклубов и в результате слияния с ними неформальное движение трансформировалось в «Демократическое» с отслоением ряда течений иной идеологической ориентации: почвенной (национал-традиционалистской) и неосоциалистической.

Политическое оформление идейного раскола в рядах КПСС произошло в период между XIX партийной конференцией и XXVII съездом в процессе работы над проектами новой программы партии. Именно тогда оформилась «Демократическая платформа в КПСС», на базе которой в 1990 г., после открытого столкновения с консерваторами и Горбачевым на XXVII съезде КПСС, была основана Республиканская партия, изначально стоявшая на социал-либеральных позициях. Параллельно в стране шло оформление некоммунистических организаций, имевших как столичное, так и региональное происхождение. Крупнейшей и, как оказа-

лось, наиболее перспективной организацией общенационального уровня стала выделившаяся в составе КПСС Коммунистическая партия РСФСР (с 1992 г. – КПРФ).

Таким образом, кризис и последующий распад КПСС стал вторым источником партогенеза в России на рубеже 1980–1990-х гг., а новорожденная российская многопартийность конца XX в. представляла собой уникальное историческое явление. Рождение партий не обуславливалось никакими законами, а было результатом живого творчества элит. Структуризация партий, их идейно-политическое самоопределение и позиционирование, гибкость и степень активности во многом зависели от политической конъюнктуры и решений собственных лидеров. Эти обстоятельства, а также отсутствие правил взаимодействия и законных возможностей полноценного участия в политическом процессе – главные причины пресловутой неполноценности партий в 1990–1993 гг.

Вместе с тем именно в эти годы в целом сложилась самобытная модель партийно-политического спектра, включающая четыре сектора согласно идейно-политической идентификации российских партий: социалистический, либеральный, консервативный и традиционалистский, что позволяет говорить об идеологической преемственности современной российской многопартийности.

На рубеже 1980–1990-х гг. влияние на общество партийных и идеологических органов значительно снижается и постепенно прекращается. Новым проявлением участия общества во взаимоотношениях с государственным руководством разного уровня стало протестное движение. Экономические требования, выдвигаемые как отдельными жителями России, так и представителями общественных организаций в рассматриваемый период, явились основой для требований политических.

Опыт формирования многопартийной системы в 1994–2017 гг. свидетельствует о том, что партии пока не стали полноценным политическим институтом – самостоятельным участником политического процесса. Тому есть как объективные, так и субъективные причины. Но как минимум три обстоятельства актуализируют изучение современной многопартийности и позволяют говорить о будущем российских партий без пессимизма.

Во-первых, это включенность России в мировое информационное, экономическое и политическое пространство, открытость, при которой, как убеждает международный опыт, даже попытка выстраивания авторитарной модели власти результативна лишь в форме вертикального социального контракта, предполагающего сохранение и развитие структур гражданского общества, идеологического плюрализма и многопартийности. Правда в данной модели политической системы партии имеют, скорее, инструментальное назначение, но это не лишает их исторической перспективы.

Во-вторых, современные российские партии воплощают и продолжают традиции идейных поисков, присущие русской общественной мысли двух предшествующих веков. Независимо от возможностей политической конкуренции партии продолжают выполнять идеологическую функцию. Причем на первый план выходит не глубокая и систематическая программная деятельность, продукты которой, к сожалению, вызывают интерес лишь у специалистов, а выработка и представление вниманию общества вариативных решений, основанных на иных идеологических подходах, публичная оценка деятельности властей, инициирование содержательных дискуссий по злободневным вопросам, ведение просветительской деятельности. Последнее особенно актуально ввиду того, что участие в деятельности партий остается открытым каналом политической самореализации для российской молодежи, альтернативой которой являются, к сожалению, лишь радикальные движения и организации.

В-третьих, специфика расстановки политических сил в России начала XXI в., как и начала XX-го, заключается в противостоянии власти и оппозиции. Особенность современной многопартийности заключается в устойчивости противостояния так называемой «партии власти» и всех остальных политических сил – от политических партий до многочисленных обще-

ственных движений формального и неформального характера. Характерно, что оппозиция в России, по сути, вновь оказалась вне сферы принятия решений и процесса выработки стратегии и тактики развития страны. Каковы причины этого? Что готовы предложить политические партии и общественные организации и почему их потенциал остается почти не востребованным в современной России? Это вопросы, решение которых является одной из важнейших задач, стоящих перед российскими учеными-гуманитариями на современном этапе [4]. В какой-то степени они затрагиваются в последних главах данного учебного пособия.

Примечание

1. *Шелохаев В. В.* Многопартийность в России: общее и современное // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии. – М., 2000. – С. 117.

2. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М., 1995; История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. – М., 1994; Политические партии России в контексте ее истории. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998; Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000.

3. *Заславский С. Е.* Российская модель партийной системы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-полит. исследования. – 1994. – № 4; *Салмин А. М.* Партийная система в России в 1989–1993 гг.: опыт становления. – М., 1994.

4. *Фролов А. А.* Общество и российская федеральная власть в 1990-е годы // Современный научный вестник. – 2017. – № 6. – Т. 1. – С. 105–107.

Глава 1

Системный политический кризис в начале XX в.: власть и оппозиция

Целевая установка *модуля* состоит в выявлении характера основных политических сил, действовавших в начале XX в. на российской политической арене и пытавшихся в той или иной степени воздействовать на власть, навязывавшую обществу свои правила игры. Перманентный прессинг власти по отношению к обществу порождал соответствующие обстоятельства формы противодействия оппозиционных сил, которые лишь в редких случаях направляли свою деятельность на поиск компромисса с властью [пример тому – либеральное движение начала века]. Вот почему в России, несмотря на то, что под благотворным влиянием реформы 1861 г. и последующих преобразований, произведенных «сверху», уже четыре десятилетия шел «снизу» процесс становления гражданского общества, все-таки успех сопутствовал, как правило, силам радикальной оппозиции [и «слева» и «справа»], которая оформилась достаточно быстро и действовала весьма активно.

Исходя из данной целевой установки, раскрытие содержания *модуля* предполагает рассмотрение трех проблем:

- левый радикализм в России: неонародники и социал-демократы;
- либеральные партии на путях реформаторской альтернативы;
- консервативные партии в России в начале XX в.: лидеры, идеология и практика.

1.1. Левый радикализм в России: неонародники и социал-демократы

Реформы «сверху», проведенные в 60–70-е годы XIX в., стимулировали процесс формирования движений и течений, ставших основой общенациональной оппозиции в начале XX в. в России. В ее сложной структуре нашлось место всем направлениям: самобытникам и националистам, славянофилам и западникам, консерваторам и либералам, эсерам и социал-демократам. И если в либеральной оппозиции присутствовало сознание недопустимости перехода от идейно-политической конфронтации к решению проблем насильственными методами, то в ее радикальных кругах, наоборот, тяготение к выше обозначенным методам и революционной практике возрастало.

Этому способствовало и то обстоятельство, что, как свидетельствуют многие авторы [1], XX в., насыщенный серьезными социально-политическими катаклизмами, совпал *в истории левой идеи с конструктивной фазой ее развития*, ибо в левой системе ценностей главным всегда было стремление к лучшей жизни, а не к такой организации общества, где свободное развитие каждого являлось условием свободного развития всех. Именно усилия левых партий и движений заставили в XX в. имущие и образованные классы, пусть даже из чувства самосохранения, считаться в какой-то степени с их интересами, и элитарная, преимущественно политическая демократия была расширена и в той или иной мере дополнена демократией социальной.

У российских левых в начале XX в. это проявилось в резко возросшей интенсивности теоретической деятельности, связанной с разработкой проектов социального прогресса для России, и активизацией в реализации революционных практик.

К сожалению, на всех этапах советской историографии партии эсеров было отказано в признании этого факта, как, впрочем, и в главном – в рассмотрении их версии социального переустройства России как конкурентно способной «пролетарскому социализму» большевиков. Характерно, что зарубежные исследователи (О. Г. Рэдки, М. Перри, М. Хильдермайер и др.) еще в 70-е годы XX в. были единодушны во мнении, что эсеры сумели создать теорию, оправдывающую устойчивость аграрного строя в отсталой капиталистической стране и тем самым завоевать симпатии трудящихся масс, более того, их проект представлен как альтернативный большевистскому [2]. На современном этапе отечественной историографии эту точку зрения развивает О. В. Коновалова и другие авторы [3]. Одновременно всесторонне прослежена связь эсеров и революционных народников.

Эсеровские организации оцениваются как прямые наследники классического народничества, которое возникло в 60-е годы XIX в. и достигло кульминации в 70-е годы. Массовое движение разночинской интеллигенции к «народу» в буквальном смысле слова принимало различные формы (устная пропаганда, переселение в деревню, индивидуальный террор) отличалось высокой степенью организованности. Строгая дисциплина, искусная конспирация были свойственны народническим организациям «Земля и воля» (1876 г.), «Народная воля», «Черный передел» (1878 г.). Достоинством советской историографии середины 50-х годов стало обстоятельное изучение фактической истории народнического движения. К историческим заслугам классического народничества стали относить: поиск почвенного, самобытного пути развития России; стремление сделать народ субъектом исторического творчества; создание прочных политических организаций и формирование особого типа личности, ориентированной на приоритет общественных ценностей. Идею особого исторического пути страны в наиболее развернутом виде сформулировал Александр Герцен. Осмысливая опыт европейских революций середины XIX в., крайне негативно квалифицируя его, он сформулировал концепцию иного варианты развития России: «Нам нечего заимствовать у мещанской Европы...». «Я чую умом и сердцем, что история толкается именно в наши ворота» [4]. Главным гарантом истинно нацио-

нального, почвенного варианта он считал мощную общинную традицию. В общине могло произойти освобождение личности «без фаз европейского развития». Поэтому задачу духовной элиты он видел в том, «чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. В естественной непосредственности нашего сельского быта, в шатких и неустоявшихся экономических и политических понятиях, в смутном праве собственности, в отсутствии мещанства и необычайной усвояемости чужого мы имеем шаг перед народами, вполне сложившимися и усталыми». Таким образом, народники продолжили начатой славянофилами поиск варианта развития, отвечавшего особенностям России, опиравшегося на национальную традицию.

Важным прогрессивным моментом в деятельности народничества было стремление сделать сам народ субъектом преобразовательского творчества. Это стремление в 60-е и 70-е годы приобрело формы «хождения в народ», т. е. создания крестьянских поселений. Известные успехи были достигнуты Я. В. Стефановичем, Л. Г. Дейчем, В. Н. Фигнер и Е. Н. Фигнер, А. И. Ованчиним-Писаревым. Несмотря на политическую наивность, это великое, массовое, почти повсеместное (в 43 губерниях) хождение в народ возвышало его участников и идеологов. Различными тактическими средствами, пропагандой (П. Лавров), немедленным бунтом (М. Бакунин), «заговорщической» деятельностью (П. Ткачев), народники пытались решить главную задачу – вовлечь в активную деятельность саму «почву», пробудить ее. И даже столь характерный для классических народников террор рассматривался ими как средство, порою последнее, крайнее, к которому приходилось прибегать в результате краха других, более «мирных» способов поднять мужика.

При этом народники смогли создать прочные организации, способные в сложнейших политических условиях противостоять царским спецслужбам. Это были «Земля и воля» 1863 и 1875 гг., «Народная воля» 1878 г. Последняя благодаря высокой дисциплине, конспиративному мастерству смогла осуществлять свою опасную деятельность около трех лет.

Классическое народничество обессмертило себя и плеядой ярких фигур, ставших по сути национальным достоянием. Можно обвинить их в наивности и утопизме, но нельзя не восхищаться самоотверженностью, готовностью к самопожертвованию, целеустремленностью. Собственная жизнь в их менталитете была далеко не самой дорогой ценой в борьбе за справедливость и социальное освобождение трудящихся. Это наглядно проявилось в народническом терроризме. В нем причудливо переплелись черты антигуманные и проявления высшего гуманизма. Террор действительно занимал весьма значительное место в деятельности народников на всех этапах данного движения. Апогеем же террористической активности стала деятельность «Народной воли». Ее акции приобрели громкую известность, а убийство «царя-освободителя» Александра II 1 марта 1881 г. стало рубежом в российской истории и кульминацией в развитии самого революционного народничества. Следует заметить, что народники даже тогда не считали террор единственным или главным тактическим средством. Считая в принципе аморальным всякое насилие над человеком, народовольцы отрицательно отнеслись к покушению на президента США Дж. Гартфилда: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбе, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия» [5].

Отдавая отчет в мощи конкретно-исторических обстоятельств, которые вызвали тяготение к террору, довольно интенсивное его использование на всех этапах народнического движения, подчеркнем, что абсолютизация политического насилия «Народной волей» привела движение в его классической форме к историческому тупику. На это обратил внимание в свое

время Г. В. Плеханов: «Народничество стояло в резко отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество открещивалось от всякой «политики»; народовольцы видели в «демократическом перевороте» самое надежное средство социальной реформы. Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения; народовольцы должны были обращаться главным образом к городскому и промышленному населению, а, следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Ставом, в действительности «народничество» было полным и всесторонним отрицанием народничества» [6]. Дав образцы высочайшей духовности, народничество романтизировало террористическую традицию и, тем самым, значительно укрепило ее, за что, таким образом, и несет серьезную историческую ответственность.

Народнические организации возникали и в 80-е годы. Однако в конце 90-х годов они приняли название социалистов-революционеров (эсеров). Новым названием, зачастую, ассоциировавшимся позднее с «неонародничеством», предпринималась попытка, в известной степени, дистанцироваться одновременно, как от тактики народовольцев, так и от теории «малых, но живых дел» либеральных народников, объединившихся вокруг журнала «Русское богатство»; вместе с тем данным названием подчеркивалась приверженность идее социальной народной революции с участием многомиллионного крестьянства, о котором «забывали» формировавшиеся марксистские комитеты социал-демократов. Крупнейшими из новых организаций стали «Союз социалистов-революционеров», «Рабочая партия политического освобождения России» (РППОР) и др. «Союз социалистов-революционеров» (1896 г.) во главе с А. А. Аргуновым возник в Саратове. Затем его организации появились в Москве, Петербурге, Казани, Орле. Зародыш «Партии социалистов-революционеров» или «Южной партии» возник в 1894 г. в Киеве (И. А. Дьяконов, Н. Н. Соколов, И. П. Дидровский). В 1897 г. было заявлено о создании партии, в программном Манифесте которой (1900 г.) отсутствовало упоминание о народничестве и терроре. Достаточно многочисленная для своего времени «Рабочая партия политического освобождения России» образовалась в 1899 г. в Минске, ставила в качестве первоочередной задачи борьбу за политическую свободу, в том числе – и посредством террора. Именно здесь появился и стал благодаря своей кипучей энергии и организаторским способностям известен Григорий Гершуни, «завербованный» «бабушкой» русской революции Екатериной Брешко-Брешковской.

Эсеровские организации возникли и в эмиграции: «Союз русских социалистов-революционеров» (1894 г.) в Берне и «Аграрно-социалистическая лига» (1900 г.) (В. М. Чернов и М. Р. Гоц). В самом начале XX века значительно активизировался процесс консолидации эсеровских организаций. В 1901 г. заявили о слиянии и создании единого Центрального Комитета «Союз социалистов-революционеров» и Южная партия. Позднее к ним присоединились бернский «Союз» и «Аграрно-социалистическая лига». Датой провозглашения партии социалистов-революционеров стал январь 1902 г. В третьем номере газеты «Революционная Россия» (1902–1906 гг.), бессменным редактором которой стал В. М. Чернов, было помещено извещение о возникновении партии.

Факт ее образования скорее был декларацией, чем явлю, ибо предстояла громадная работа по разработке партийной программы, обоснованию концептуальных и организационных основ движения с учетом новых реалий, что и произойдет позднее на I съезде партии социалистов-революционеров в конце декабря 1905 – начале января 1906 гг. и будет связано прежде всего с именем В. М. Чернова, а также с когортой энергичных, деятельных, самоотверженных людей. Живой и осязаемой связью между народниками 70-х и новым поколением была Екатерина Брешковская. Родившись в 1844 г. в семье черниговского помещика и уже в юности погрузившись в революционную деятельность, она пережила все перипетии народни-

ческой судьбы: «хождение в народ», арест, суд и пять лет каторжных работ, выход на поселение, побег, новый арест, новый суд и опять четыре года каторжных работ. В 1896 г., когда, наконец, закончились сроки всех ее каторг и ссылок, она оказалась среди совершенно новых людей, но не растерялась, энергично принялась собирать эсеровские силы [7]. «За границу шли вести: Бабушка витает по всей России, как святой дух революции, зовет молодёжь к служению народу, крестьян и рабочих – к борьбе за свои трудовые интересы, ветеранов прошлых движений – к возврату на тернистый путь революции» [8], – писал в своих мемуарах В. Чернов. Одним из основателей «Аграрно-социалистической лиги» был Леонид Шишко, выходец из дворянской среды, офицер, оставивший военную карьеру. Вместе со своим товарищем предложил свои услуги земству в качестве народных учителей. Л. Шишко стал одним из ведущих авторов «Революционной России». Феликс Волховский, как и Брешковская, начинал с «хождения в народ». После трех лет тюремного заключения и одиннадцати лет ссылки в Сибири в 1889 г. бежал сначала в Америку, потом в Англию, где сблизился с местными социалистами. Вместе с другими эмигрантами он издавал «Летучие листки» «Фонда вольной русской прессы». С образованием Аграрно-социалистической лиги он становится ее членом.

Бесспорно, среди этой плеяды ярких личностей выделялся Виктор Михайлович Чернов (1873–1952 гг.), лидер и теоретик партии. В. Чернов продолжил теоретическую традицию народничества, представленную такими яркими именами, как В. Воронцов, Н. Даниельсон, С. Южаков и Н. Михайловский, бывший на рубеже XIX–XX вв. редактором общественно-теоретического журнала «Русское богатство» и пытавшийся дать оценку новым реалиям российской действительности. В. М. Черной неоднократно называл себя учеником Н. К. Михайловского и продолжателем его идей. Николай Константинович Михайловский (1842–1904 гг.) развил в новых исторических условиях, когда «островки» капитализма уже были в России фактом – идею А. Герцена о преимущественно некапиталистическом развитии страны. «Положение России, – писал Н. Михайловский, – представляет пока действительно громадные выгоды: но, между прочим, потому, что мы позже других вышли на работу цивилизации и, как карлик на плечах великана, можем следить за причинами и результатами настоящего положения старой, многострадальной Европы, черпая из нее для себя уроки». И одним их уроков, воспринятых Черновым, вслед за Михайловским, было признание факта наличия капитализма в России. «Мы не сомневались, что капитализм в России развивается; мы искали только типические национальные особенности в характере этого развития». Не «быть или не быть капитализму, а как его встретить (курсив В. Чернова) – вот как для нас ставился в согласии с Михайловским вопрос». «Мы ведь не хотели ни в коем случае походить на сентиментальных народников, дорожащих консервативными формами патриархальной общины».

Чернов воспринял у учителя и главное: уже в ранней, гимназической юности «народ» был нашей религией», – писал он в воспоминаниях. Окончив гимназию, он поступил в Московский университет. Активная общественная деятельность, аресты, заключения, наконец, ссылка не позволили ему закончить образование. Но большой и неустанной работой над собой В. Чернов сформировался в человека большой эрудиции и оригинального мышления, который сумел пойти дальше своего учителя, плодотворно занимаясь философией. Его работы были отмечены вниманием солидных ученых. О его интеллектуальной самостоятельности свидетельствует отношение к марксизму. В. Чернов принадлежал к той генерации, которая почти поголовно «прошла» через марксизм. Он тоже испытал его влияние, но в отличие от многих своих ровесников никогда не считал себя сторонником марксизма, да и не был им. «Мы, не марксисты, прилежнее всего занимались именно Марксом. Мы считали тогда «вопросом чести» знать Маркса лучше, чем его сторонники. Это порой превращалось у нас в какой-то спорт. Мы должны были наизусть знать все самые «существенные» боевые цитаты, на которые приходилось опираться в спорах. Те, кто, как я, обладали хорошей памятью, порой «отка-

тывали» Маркса по памяти целыми страницами. Молодые же марксисты все остальное отвергали» [9].

Во время тамбовской ссылки (1895–1899 гг.) В. М. Чернов активно участвовал в создании крестьянских организаций, первых в России. Именно он написал устав «Братства для защиты народных прав», в котором говорилось о необходимости наделения крестьян землей за счёт помещиков. Тогда началась его публицистическая деятельность. Публицистические и теоретические статьи В. Чернова все чаще появлялись в журналах «Новое слово», «Начало», «Русское богатство». Не случайно по окончании ссылки он оказался центром эсеровской эмиграции, стал бессменным редактором «Революционной России» (1902–1906 гг.). На страницах этой газеты и в своих статьях «Характер современного крестьянского движения» и «Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве», а также в теоретико-методологических работах «Маркс и Энгельс о крестьянстве: историки-критический очерк», «Философские и социологические этюды», «Социалистические этюды», и др. В. Н. Чернов обосновал концепцию неонародничества и основные программные идеи. Обращение при этом В. Н. Чернова к критике марксизма было не случайно; кстати, оно было оценено российскими социал-демократами как смыкание «с ревизионистским течением в Германии» («бернштейнианством») [10].

Действительно, на протяжении всей своей жизни Чернов неоднократно возвращался к социологической схеме Маркса, особенно столкнувшись, по его словам, со «страшной крестьянофобией» в социал-демократических кружках России и бросившись «в бой с марксизмом, апеллируя к самому Марксу» [11]. Не отрицая достоверности некоторых элементов его учения (о капиталистическом промышленном производстве), Чернов признал неоправдавшимися многие выводы Маркса: жизнь не подтвердила его предположений о гибелительности крестьянского хозяйства, которое и в России, и в Европе на «тройное проклятие» ответило тройным «взрывом»: не ликвидировалось, не пауперизировалось, кооперировалось; не была дооценена «живучесть капитализма» и, наоборот, переоценено его «диалектическое самоотрицание»; назвав «Манифест» Маркса «кораном ортодоксии», Чернов упрекнул марксистов в неразработанности конкретных мер по переходу к новому социальному обществу и переоценке возможности автоматического самопревращения капитализма в социализм (будет «дело социализма в шляпе») [12]. Чернов не ограничился критикой марксистской схемы, но и обосновал необходимость учета специфики пути к социализму для крестьянства, а именно используя его традиционные взгляды на землю (общинное владение землей и тягу к корпоративизму), тем самым добиваясь развития крестьянских хозяйств и их приобщения к новой цивилизационной форме.

Работы В. М. Чернова этого периода и, прежде всего его «Этюды...», – это попытка серьезного научно-философского синтеза в обосновании доктрины неонародничества. Этот синтез можно представить условно в виде нескольких принципиально важных положений: а) выделение, вслед за теоретической традицией народничества особой роли личности (индивидуума, от интересов которого, по его мнению, полностью абстрагировался марксизм), но не пассивно воспринимающей, а активно реагирующей на события; отсюда «творческая мощь социального целого окажется не обратно, а прямо пропорциональна развитию творческих потенциалов всех отдельных личностей; но все-таки главное – это «психология субъективной стороны человеческого духа» [13]; б) для планомерного воздействия на стихийно сложившиеся формы общественной жизни нужна революционная партия, обладающая научным эволюционным мировоззрением, живым воплощением исторического творчества, партия именно как конгломерат личностей; в) научно-эволюционное мировоззрение, по В. М. Чернову, предполагало органическое сочетание строго научного анализа действительности с выработанным на его основе общественным идеалом, в основе которого должна была лежать, в первую очередь, моральная санкция и который должен был соответствовать «святая-святых» – человеку; именно вокруг него должны формироваться в известном рациональном порядке все стремления и помыслы; отношение к общественному идеалу должно было быть как к некоему символу

веры (здесь проявилось влияние на В. М. Чернова известного либерального народника Н. К. Михайловского).

Таким образом, здесь четко прослеживается гуманизм неонароднической традиции, заложенный в трудах его главного теоретика, а именно, особое отношение к личности и принципиальный отказ от классового подхода марксистов, от градации различных социальных групп по степени сознательности, сплоченности и организованности и т. д. Ведущим политическим термином эсеров стал термин «трудовой класс», в который они включали рабочих, крестьян и демократическую интеллигенцию. Позднее, уже в эмиграции, В. М. Чернов высказал мысль о расширении образности советского герба за счет включения в него трех элементов: серпа, молота и книги.

В вышеприведенных трудах В. М. Чернова, а также в четырех написанных им проектах программы партии и комментариях к ним, особенно к 4-му [14], были разработаны экономические основы концепции неонародничества. В отличие от либералов и марксистов, сосредоточившихся преимущественно на апологетике российского капитализма, В. М. Чернов одним из первых в России поставил вопрос о типе капитализма в России и, более широко, о типе капитализма в преимущественно аграрных странах. В поисках ответа Чернов выявил некоторые существенные особенности капиталистической эволюции в России. Важнейшую он видел в преобладании негативных последствий (анархия производства, кризисы, обнищание трудящихся) этого способа производства над позитивными (экономический прогресс, концентрация, высокая организованность). «Мы сказали себе, что основная особенность русского капитализма – переразвитие, гипертрофия его “шуйцы” над его “десницей”, его отрицательных, разрушительных, дезорганизующих сторон над сторонами положительными, созидательными, организующими. Но, вместо того, чтобы базировать что-то на олицетворении этого дефицита, – городском босяке и интеллигентской богеме – мы сделали другой вывод: не только есть света, что в капиталистическом окошке; надо в некапиталистическом мире, т. о., прежде всего, в мире крестьянского труда, искать самостоятельных ростков объединения, обобществления труда и собственности, надо естественную программу требований борьбы настоящего, коренного, индустриального пролетария объединить, гармонически слить с такой же естественной программой требований и борьбы настоящего, коренного трудового крестьянства» [15].

Таким образом, признавая капитализм в России, Чернов не абсолютизировал его, видя в экономическом и общественном укладе страны смесь капиталистических и некапиталистических элементов. В этом состояла суть теоретической парадигмы неонародничества и его сильнейшая сторона. Чернов воспринял у классического народничества идею некапиталистического развития. Но опять же отказался от одностороннего подхода предшественников. Подход Чернова интересен и тем, что он обратил внимание на значительную разницу в темпах и главное – в типах промышленной и аграрной эволюции страны в начале XX века. Признавая победу капитализма в промышленности и городе, он отстаивал способность крестьянского хозяйства успешно сопротивляться капитализму, к некапиталистической эволюции. Таким образом, Чернов воспроизвел формулу классического народничества – некапиталистический путь, но в усеченном варианте – лишь применительно к аграрному сектору. Это было много реалистичнее, чем абсолютный отказ видеть элементы нового способа производства в России. Постановка вопроса капиталистической эволюции России, отказ от абсолютизации как капиталистического, так и некапиталистического уклада и ряд других идей должны найти место в сокровищнице российской общественной мысли.

Также это может быть отнесено и к центральной программной идее эсеровского народничества, автором которой опять же был В. Чернов – социализация земли. Ее суть заключалась в переходе земли не в частную собственность и не в собственность государства, а «в собственность всего общества и в пользование трудящихся». Мелкое крестьянское трудовое хозяйство способно противостоять крупному, потому что оно идет к развитию коллективизма

через общину и кооперацию. В кооперации В. Чернов увидел возможность сохранить «общинный дух» уже без общины в ее архаическом виде. Необходимым условием реализации этой возможности должны были быть ликвидация помещичьего землевладения, переход земли в общенародное достояние и ее уравнительное перераспределение среди крестьян. Несомненно, что аграрная теория Чернова была демократически ориентирована, и более того: она должна была стать противовесом большевистской идее национализации, т. е. огосударствления земли, что, по мнению Виктора Михайловича, неминуемо вело бы к усилению централизации и бюрократизации власти, чем всегда «грешили» большевики. И не случайно в программе партии социалистов-революционеров, ее «народно-хозяйственной части» содержался специальный (пятый) пункт, предостерегавший против «государственного социализма» и возможных попыток его установления «правлящей бюрократией» в будущем [16].

Аграрный проект составлял сердцевину всей программы партии эсеров. Конечную же цель эсеры видели в организации социалистического общества, хотя и отвергали необходимость социалистической революции в марксистском понимании. Грядущая революция в России будет особого типа: ни буржуазно-демократической, ни социалистической; она представлялась как политическая, ибо свергнет старую власть (самодержавие) и народно-социальная, так как разрушит старое общество [17]. Отсюда особое значение приобретал вопрос о наполненности переходного периода к новому социокультурному состоянию: он должен был стать «периодом трудовизма», т. е. эволюционного накопления социалистических элементов. Все эти подходы были обсуждены на первом партийном съезде.

Организационное оформление партии эсеров оказалось довольно длительным процессом. I съезд партии социалистов-революционеров проходил 29 декабря 1905 – 4 января 1906 гг., а 31 декабря 1905 г. с докладом о партийной Программе от имени редакции «Революционной России» выступил В. Н. Чернов (под псевдонимом Тучкин). Ранее в 46 номере «Революционной России» от 5 мая 1904 г. был опубликован проект программы, написанный им [18]. Чернов всесторонне обосновал теоретико-методологические основы неонародничества, что свелось к следующему: был определен научно тип капитализма в России, сочетавший капитализм в промышленности и некапиталистическую эволюцию в аграрном секторе; крестьянское трудовое хозяйство не должно было восприниматься только через его сопряжение с капиталистическими отношениями, а как продукт и результат собственной инициативы; крестьян нельзя насильственно загонять в коллективистские формы, необходимо поощрять их инициативу; крестьянское хозяйство не являлось мелкобуржуазным, а было трудовым (тем самым была заложена историографическая традиция теории некапиталистической эволюции крестьянских хозяйств и аграрного социализма); подчеркивалось, что крестьяне не являлись социалистами по природе, но общинно-корпоративный мир деревни вырабатывает трудовое самосознание, на которое мог наложиться социалистический идеал.

В области политической требования программы-минимум заключались в «полной демократизации всего государственного и юридического строя на началах свободы и равноправия», что означало реализацию основных прав человека: свободы совести, слова, печати, собраний и союзов, свободы передвижения, выбора занятий, свободы стачек, неприкосновенности личности и жилища; всеобщее равное избирательное право. На смену самодержавию должна была прийти демократическая республика с развитым местным самоуправлением и прямым народным законодательством (правом референдума). Эсеры были весьма прогрессивны для своего времени в решении национального вопроса, они предлагали федеративное устройство государства и безусловное право национальностей на самоопределение. Радикальной и обстоятельно разработанной была и собственно «пролетарская» часть программы.

К 1905 г. партия имела 25 комитетов и 37 групп в России, сосредоточенных в основном в губерниях Юга, Запада, Поволжья. Таким образом, возрождение неонародничества в иной форме на рубеже XIX–XX вв. было выражением стремления русского народа, т. е. самой

почвы идейно самоопределился. Поэтому возникновение партии социалистов-революционеров, одной из первых политических организаций в стране, представляется глубоко закономерным. Исторической заслугой эсеров можно считать преимущественную ориентацию на крестьянство и первоочередное решение аграрного вопроса. Неонародники, прежде всего В. Чернов, напряженно осмысливали характер исторического развития России и в некоторых существенных моментах (особый тип капитализма в России, федерализация) встали на путь к созданию оптимальной «почвенной» модели развития. Но при этом эсеры возродили террористическую традицию в российском освободительном движении, которая сняла обильную кровавую жатву в России XX в. и бумерангом нанесла удар самой Партии социалистов-революционеров. И все-таки эсеровские иллюзии были, быть может, наиболее почвенными из всех политических иллюзий, которыми столь богата была история России начала XX столетия.

90-е годы XIX в. современные исследователи [19] называют периодом утробного развития российских политических партий, связанным с происходившем параллельно вызреванием их политических платформ и организаций. С некоторым опережением эти процессы разворачивались в российском социал-демократическом движении.

К 80–90-м годам XIX в. социалистическое движение, наряду с неонародничеством, обрело новое «теоретическое дыхание» в марксизме. Возникнув как интеллектуальное отражение раннего промышленного капитализма в англосаксонских странах, марксизм в последней четверти века, едва миновав зенит популярности, находился в преддверии внутренней метаморфозы, названной позднее «бернштейнианской ревизией». Российские радикалы восприняли данную идеологию почти в ее первозданном виде.

Этот исторический феномен российского марксизма – дискуссионная историографическая проблема до сих пор. Почему идеологический продукт индустриального развития западноевропейских стран столь прочно укоренился в архаической стране и оказал столь сильное воздействие на всю ее историческую судьбу? На этот вопрос пытались ответить сами апологеты марксизма Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов и др. В предпринятом российскими социал-демократами (меньшевиками) издании «Общественное движение в России в начале XX века» содержалась специальная статья А. С. Мартынова «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», в которой он обобщил главные причины его быстрого распространения. В их числе были названы следующие: во-первых, ситуация, при которой марксизм «с самого начала выступал у нас не как абстрактное учение..., а как единственный конкретный и непротиворечивый ответ на вопросы, выдвинутые нашей «самобытной» [кавычки в тексте. – С. С.] действительностью...»; во-вторых, распространению способствовало разочарование в практике движения 1870–1880 гг.; в-третьих, важность решения для русской социал-демократии задач, стоявших «в плоскости экономики», ибо «в экономике лежал ключ в решении наиболее злободневных вопросов русской политической жизни», т. е. привлекал экономический детерминизм марксистской теории [20]. Также существенной причиной оказалось сопряжение марксизма и большинства почвенных идеологических систем в одном чрезвычайно важном моменте: марксова идея особой роли рабочего класса как освободителя всего человечества легко наложилась в России на различные мировоззренческие системы, поскольку в основе многих из них была идея русского мессианства.

Сыграло роль и то обстоятельство, что значительная часть российской молодежи, оказавшаяся в европейских странах в результате вынужденной эмиграции или с целью получения образования, стала очевидцем утверждения западного пролетариата как самостоятельной политической силы. Во многом молодые социал-демократы решение этой задачи воспринимали в связи с марксизмом.

Характерно, что социал-демократическая молодежь, возвращаясь на родину, везла с собой не только марксизм, но и образ России, сложившийся у их единомышленников на Западе. Прежде всего, Россия воспринималась как аграрная страна со значительной специфи-

кой в развитии, выразившейся в наличии двух факторов: отсутствии адекватной европейскому уровню политической культуры и традиции общественного участия, а также в слабости отечественных капиталов и их политической пассивности. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в начале XX в. все (в том числе и в Европе) ортодоксальные марксисты приняли кризис в их странах за агонию «умирающего» класса буржуазии. Выход виделся в мировой пролетарской (социалистической) революции. Ленин – будущий лидер большевиков – ратовал за ускорение этого процесса. Россия воспринималась как реакционная монархия, крушение которой должно было помочь передовой Европе, подтолкнув ее рабочий класс к социалистическим преобразованиям.

Надежда подкреплялась наличием достаточно выраженного социалистического движения, в частности в Германии, где социал-демократическая партия насчитывала около 1 млн человек и пользовалась влиянием среди членов профсоюзов (около 3 млн) [21]. Четко прослеживались 3 направления в СДПГ: центристы (К. Каутский), левые (К. Либкнехт, Р. Люксембург), правые (Э. Бернштейн). Разногласия в основном касались тактических вопросов, в том числе – сочетания парламентаризма и политической стачки в конкретной деятельности партии, уровня их конструктивности как методов борьбы.

Перед российскими социал-демократами, которые во много соотносили себя с европейским аналогичным течением, возникали эти же и многие другие вопросы: место рабочего класса в освободительном движении, соотношение его политической и экономической борьбы, революционной цели и средств ее достижения. На них пытались ответить отечественные теоретики марксизма, многие из которых находились за рубежом.

Наиболее яркой фигурой среди русских революционных эмигрантов был Георгий Валентинович Плеханов (1856– 1918 гг.). Оказавшись в Европе в свои 24 года, этот молодой человек уже был к тому времени довольно популярен среди молодых российских радикалов. Его знали как оратора, выступившего на первой в России политической демонстрации у Казанского собора (1876 г.), как многообещающего лидера одной из последних народнических организаций «Черный передел», ориентировавшегося в своей тактике на пропаганду социалистических идей в противоположность террористической тактике «Народной воли». В эмиграции он начал интенсивно изучать марксистскую литературу, а в 1883 г. вместе со своими единомышленниками, бывшими активными народниками – П. Аксельродом, известной на всю страну Верой Засулич, стрелявшей в петербургского генерал-губернатора и, тем не менее, оправданной судом присяжных, Львом Дейчем и Н. Игнатьевым – организовал группу «Освобождение труда». Свою цель члены группы видели в переводе марксистских произведений на русский язык и пропаганде их среди русской мыслящей общественности. За 20 лет своего существования группа вполне реализовала свою задачу, внесла существенный вклад в превращение марксизма в существенный элемент развития всей общественной мысли в России на рубеже веков. Плеханов, Засулич и Аксельрод перевели на русский язык около 20 марксистских работ, в том числе «Манифест коммунистической партии», «Нищету философии» и др.

Г. В. Плеханов в своих работах «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) предпринял одну из первых в истории российской общественной мысли попытку анализа происходивших в стране процессов с марксистских позиций. И на основе новейших для того времени статистических данных, экономических исследований убедительно доказал факт существования капиталистического уклада в стране: «Если... мы... спросим себя, пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом – почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила? Все наиболее новые, а потому наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты в области производства и обмена имеют один несомненный и бесспорный смысл: они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. За капитализмом вся дина-

мика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма... Главный поток русского капитализма пока ещё невелик ... но в этот поток со всех сторон направляется такое множество великих и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее его можно высушить...» [22]. Не одно поколение русских радикалов училось марксизму по Плеханову. С уважением относились к Плеханову и сторонники других идейных течений. В частности, лидеры российского либерализма – П. Струве, П. Милюков, не соглашаясь с ним по ряду ключевых позиций, тем не менее позитивно оценивали как плехановскую критику народничества, так и его философские работы, прежде всего «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Словом, бесспорно, что Георгий Валентинович Плеханов был далеко не случайной фигурой в истории общественной мысли и общественного движения в России. За ним – существенная грань всей нашей истории. Реальная и очень непростая научная проблема заключается как раз в том, чтобы выяснить, что это за грань.

Прежде всего, марксизм Плеханова – это действительно ортодоксальный, перворожденный марксизм. Наиболее сильные моменты всей деятельности Плеханова связаны с тем, что он был последовательным революционным марксистом. С одной стороны, именно марксизм позволил ему одним из первых и наиболее адекватно описать и объяснить новые явления в экономической и социальной жизни России второй половины XIX в. – поразительно быстро развивающийся капиталистический уклад. Именно марксизм позволил ему обнажить и дать достаточно убедительную критику наиболее слабых, утопических элементов доктрины классического народничества, в частности их иллюзорных надежд, что Россия окажется невосприимчивой к капиталистической «прививке». Капитализм стал в России реальностью, а точнее, еще одной стороной ее действительности. И одним из первых в полный голос, веско аргументировав заявление, сказал об этом Плеханов [23]. Плеханов же возвестил и о рождении российского пролетариата и сформулировал его первую историческую задачу – сформироваться в самостоятельную политическую силу и создать собственную партию. И, наконец, оставаясь убежденным социалистом и видя в социалистическом обществе высший идеал человеческого общежития, он рассматривал построение такого общества в России как отдаленную потенциальную задачу российских рабочих. Уже в первых, и быть может, самых лучших своих произведениях Плеханов отчетливо разделил социалистические и демократические задачи рабочего движения в России, подчеркнув первоочередную историческую необходимость последних: «... борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли, с другой стороны, – такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время. Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества, – значит, отдалять наступление того и другого» [24].

Характерно, что еще в начале XX в. ведущие представители других политических течений, например, Милюков и Струве, пытаясь разгадать феномен социалистического движения в России, обращали внимание на то, что по своему объективному содержанию и направленности оно родилось и развивалось как демократическое. «Социализм в России, – писал П. Милюков, – больше, чем где-либо еще, представляет демократию в целом. Это делает его политическую роль много более важной, чем в странах с большей и ранее развитой демократией» [25]. Аналогичную оценку этому явлению дал и Струве, подчеркнув, что российский социализм далеко не случайно утвердился на марксистском теоретическом фундаменте, так как «классовая борьба – популярнейшая идея русской революции, потому и пришлась ей так ко двору, что русские люди менее, чем кто-либо, воспитаны в компромиссе и к компромиссу, а с другой

стороны, учение о классовой борьбе, как готовая теоретическая формула, облекла и оформила то чувство ненависти и возмездия, которое воспитал в русском человеке старый порядок» [26]. Словом, в марксистско-социалистической оболочке бился демократический пульс гигантской, раздираемой противоречиями страны. Описывая зарождающееся российское рабочее движение в категориях ортодоксального, революционного марксизма, Плеханов сделал акцент на его демократическом потенциале и демократической миссии. Он рассматривал российский рабочий класс, прежде всего, как главную силу в борьбе против самодержавия, а его формировавшуюся партию как один из элементов будущей политической демократии в стране. Собственно социалистические задачи он рассматривал как перспективные. При этом с годами он отодвигал решение этой задачи во все более отдаленное будущее, произнеся в конечном итоге в критическом 1917 г. знаменитые слова о том, что Россия еще не смогла той муки, из которой можно испечь социалистический пирог [27]. Сделанное незадолго до смерти, это заявление стало по сути его политическим завещанием.

Вместе с тем, в одном существенном моменте Г. В. Плеханов был слишком типичным представителем отечественной революционной интеллигенции: и в теоретической деятельности и в политическом поведении он был весьма догматичен и нетерпим. Все подвижки в интерпретации экономических, социальных, политических явлений он пытался «втиснуть» в становившиеся все более узкими рамки ортодоксального марксизма. Незадолго до смерти, в 1917 г., он подчеркивал свою приверженность последнему: «Разница между Лениным и мной, это не разница между левыми и правыми, это разница в фазисах развития социализма. Ленин – это утопический социализм, а не научный» [28]. К его заслугам можно отнести четкую и одну из наиболее ранних в истории отечественной общественной мысли постановку вопроса о специфике российского капитализма и прогноз необычайной траектории его развития: «Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии. Наша буржуазия требует только субсидий, гарантий, покровительственного тарифа и вывозных пошлин; русские рабочие требуют политических прав» [29]. «Наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести». Однако в решении этой проблемы Плеханов все больше склонялся, к тому, что она пойдет по европейскому пути, что именно Европа демонстрирует закономерности общественно-исторического процесса, а все особенности России не больше, чем следствие ее отсталости».

В истории общественной мысли место Г. В. Плеханова и его соратников уникально: они положили начало российскому марксизму как интеллектуальному течению, без которого, каковы бы ни были дальнейшие судьбы, Россию конца прошлого столетия, видимо, понять было невозможно. Об этом вполне адекватно писал Павел Борисович Аксельрод: «Главное значение нашей теоретической и публицистической пропаганды не столько в экстенсивном ее воздействии на массу интеллигенции, сколько в интенсивном влиянии ее на мысль и действия наиболее передовых единиц этой интеллигенции».

В самой России марксизм стал широко популярен в 90-е годы благодаря активной деятельности так называемых «легальных» марксистов. Один из парадоксов российской истории заключается в том, что это были главным образом будущие лидеры формировавшегося либерального движения: Петр Бернгардович Струве, Николай Александрович Бердяев, Михаил Иванович Туган-Барановский, Сергей Булгаков и др. По остроумному замечанию Ричарда Пайпса, «если Плеханов может быть назван первым российским социал-демократом, то Струве – первым социал-демократом в России». С 1890 г. на квартире известной либеральной издательницы А. Калмыковой, где жил Струве, регулярно собирался кружок молодых интеллигентных людей, в котором активно обсуждались теоретические проблемы марксизма и исторические судьбы страны. Здесь были Водовозов, Боден, Павлов-Сильванский, Оболенский, Туган-Барановский. Но наиболее значительное влияние на всю общественную жизнь России прошлого века оказала теоретическая модель Струве. В 1894 г. легально была опубликована

его знаменитая работа «Критические заметки по вопросу о хозяйственном развитии России», где, используя экономическую концепцию марксизма, Струве вескими аргументами, конкретным анализом обосновал, что социальный прогресс невозможен без экономического, а капиталистический способ производства как раз обеспечивает необходимый экономический прогресс. «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной». Бедность масс русского населения есть в гораздо большей мере историческое наследие натурального хозяйства, чем продукт капиталистического развития» [30].

Обоснование быстро развивающегося капиталистического уклада было объективно прогрессивной задачей, и Струве выполнил ее на высоком уровне. Вместе с тем его критика народнической концепции носила односторонний характер, вместе с народническими иллюзиями он отбросил весьма здравые их идеи, например постановку вопроса о типе экономического развития страны, основываясь на логическом постулате о тождестве типа со степенью. Еще важнее для опровержения историографического стереотипа о последующем ренегатстве бывшего правоверного марксиста Струве, отдавать отчет в том, что в этот краткий по меркам его политической биографии период социал-демократической деятельности, Струве не принимал марксизм полностью. В «Критических заметках...» он недвусмысленно отмежевался от двух ключевых постулатов марксизма: абсолютизации революции как способа исторического прогресса, его подстегивания, и исключительно классового характера государства: «Этот взгляд на государство... представляется нам односторонним. Государство есть, прежде всего, организация порядка». Струве одним из первых обратил внимание на эволюцию взглядов Маркса и Энгельса по сравнению с 40–50-ми годами XIX в., подчеркнув, что вместо пропасти, отделявшей капитализм от строя, долженствовавшего его сменить, и теория, и практика должны были признать целый ряд переходов. В данном случае теория следовала за жизнью и ее развитием.

Именно с выходом книги Струве начался период расцвета «легального марксизма», сделавший это западноевропейское учение одним из наиболее существенных явлений общественного движения в России. Большой резонанс имел сборник «Материалы о хозяйственном развитии России», где были впервые легально опубликованы статьи Г. В. Плеханова и В. И. Ленина (1895 г.). В 1898 г. увидел свет на русском языке первый том «Капитала».

Струве внес довольно весомый вклад и в дело создания общероссийской социал-демократической организации. Как известно, именно он был автором Манифеста РСДРП, провозгласившего образование в России самостоятельной партии рабочего класса и как бы теоретически оформившего результаты работы I съезда РСДРП (1898 г., г. Минск). Однако вскоре, а именно на рубеже XIX–XX вв. пути Струве с его единомышленниками и рабочим движением в России разошлись. Последнее все более и более принимало социалистический характер. Струве же стал одним из основателей российского нелиберализма.

Две главные задачи продолжали стоять перед рабочим движением России на рубеже XIX–XX вв.: создание своей политической организации и теоретическое обоснование его целей и методов с учетом российской специфики, что в конкретной ситуации конца века означало либо отказ от марксизма, либо создание почвенного, российского варианта. Эти задачи, в известной степени, были решены другим лидером российской социал-демократии Владимиром Ильичом Ульяновым (1870–1924 гг.), вошедшем во всемирную историю под псевдонимом «Ленин».

Его деятельность продолжает оставаться и сегодня в центре научных и общественных дискуссий. В последнее время конъюнктурные подходы все более уступают место серьезным размышлениям о корнях российского коммунизма в целом и той роли, которую в отечественной истории сыграли социал-демократия и Ленин [31].

Сегодня весьма поверхностным представляется популистское представление о Ленине как «гении злодейства». Будущий Ленин был типичным представителем своего времени, в котором с юношеских лет горел священный огонь ненависти к социальной несправедливости,

к страданиям громадного числа простых русских людей. Он происходил из среднезажиточной дворянской семьи, в которой все 6 детей воспитывались в демократических традициях. Закончил гимназию в Симбирске и юридический факультет Санкт-Петербургского университета, словом, получил хорошее образование. По своей специальности, т. е. адвокатом, работал несколько месяцев, а затем его единственной профессией стала подготовка социалистической революции в России. Словом, Ленин не обладал патологическим человеконенавистничеством и жаждой власти. Вместе с тем для него были характерны типичные для молодых российских революционеров нетерпимость, бескомпромиссность, подчинение личных отношений интересам политической деятельности. Многие современники отмечали, что он не был особенно приятен в общении с людьми, в его политической деятельности практически на всем протяжении присутствовали элементы макиавеллизма. При этом они особенно усилились после октября 1917 г., когда он стал главой советского государства.

Развеян миф советской историографии о его чрезмерной искренности и приветливости («он к друзьям милел людской лаской»). Как заметил лично знавший Ленина Н. Валентинов (Н. В. Вольский), в течение долгого времени у него «вне политического и теоретического единомыслия, вне деловых отношений ни с кем, кроме родных, ... не было прочного душевного, эмоционального контакта... Он всегда был настороже. Всегда недоверчив. Всегда с опаской следил, нет у его окружения, его товарищей каких-либо *уклонов* (курсив в тексте. – С. С.) от системы идей, им разделявшихся». Как подчеркнул Н. Валентинов, в течение всей своей жизни Ленин, кроме Инессы Арманд, только с двумя – с Мартовым и Кржижановским – и то на очень короткое время был «на ты» [32].

Убедительным представляется то объяснение моральной эволюции Ленина, которое дал Н. Бердяев, отметивший, что революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации; но, став одержимым максималистической революционной идеей, он, в конце концов, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость. «Ленин не был дурным человеком, в нем было много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе» [33].

Весьма сложно квалифицировать и теоретическую деятельность Ленина. Она началась в 1893 г., когда была опубликована его первая статья «Новые вопросы хозяйственной жизни». Более обстоятельными были книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), посвященная критике народнической доктрины, и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895 г.). В 1898 г. он закончил большую работу «Развитие капитализма в России». Бесспорно, Ленин не был выдающимся теоретиком, а уж тем более «гением» философской или экономической мысли. Как писал М. С. Ольминский, редактор первого собрания сочинений В. И. Ленина (1920 г.) в специальной статье, посвященной этому изданию: «Ленин ни одного слова не добавил к Марксу, но он научил нас понимать его» [34]. Однако Ленин действительно сумел определенным образом приспособить марксизм к конкретно-историческим условиям России начала XX века и создать особый культурно-исторический феномен. Субъективно он претендовал на то, чтобы быть ортодоксальным марксистом. Он им и являлся постольку, поскольку основой его теоретических и политических решений был именно первородный марксизм, марксизм «Манифеста Коммунистической партии», наиболее экстремистская его часть; отсюда: ленинская цепочка – классовая борьба – социалистическая революция – диктатура пролетариата. В начале века Ленин дополнил эту «якобинскую» часть марксизма рядом собственных идей, отражавших в определенной мере специфику России. Результатом их соединения с постулатами классического марксизма стал ленинизм.

Главными из «собственно» ленинских идей являются две: во-первых, это союз рабочего класса с крестьянством и, во-вторых, концепция партии нового типа. Естественно, что Ленин решал первую проблему, руководствуясь прямолинейным классовым подходом, разделяя российских рабочих и крестьян на революционных «овец» и «козлиц»; самый революционный, менее революционный класс; русский рабочий – единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России. Но при этом, как считал Л. Д. Троцкий, безоговорочно сблизившийся с Лениным в роковом 1917 г., он «отражал» собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его «столь же свежем крестьянском прошлом». Троцкий посвятил Ленину несколько (восемь) сюжетов, один из которых им назван «Национальное в Ленине» и, по существу, посвящен крестьянской стороне русской революции, которая «сразу и радикально преодолела национальную ограниченность и провинциальную захолустность» русской истории именно потому, что российской пролетариат, благодаря Ленину, «рванул» за собой «на своих корнях тяжелую глыбу крестьянства» [35].

Но центральной идеей ленинизма стала концепция пролетарской партии в России. С самого начала своей политической деятельности он уделял вопросам ее организации большое внимание. В двух своих произведениях «Что делать?» (1902 г.) и «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.) он обстоятельно обосновал свое представление о пролетарской партии в России. История КПСС многие годы нерушимо покоилась на постулате о том, что Ленин разработал теорию пролетарской партии «нового типа», отличной от европейской социал-демократии. Ее главной чертой безоговорочно считались централизация, бескомпромиссность, «нетерпимость к любым проявлениям оппортунизма», равно которой на тот момент не было ни в России, ни в Европе. Сам же Ленин считал, что партия должна была быть крепкой, боевой организацией, сравнимой по мощи с военной [36]. Необходимыми атрибутами такой организации в России выступают строгая дисциплина, приоритет профессиональных революционеров, беспощадная идейная борьба. Известен его знаменитый призыв: сначала идейно размежеваться, а затем объединяться. Таким образом, все, что впоследствии дало столь «богатые» плоды, что составило как силу, так и слабость рабочей партии в России, было заложено Лениным в начале XX в. В архаичной и в чем-то анархичной стране, где на протяжении столетий главной организующей силой было государство, противостоять ему могла лишь очень мощная организация, в которую Ленин и предлагал превратить политическую организацию пролетариата. Очевидно, что значение ленинской концепции в отечественной истории XX в. далеко не однозначно. В идеях о «железной» партийной дисциплине, ядре руководящих элементов, занимающих особое положение в партии и др., можно не без основания увидеть основы того военно-государственного образования, в который превратилась большевистская партия в условиях авторитарного режима. Таким образом, Владимир Ленин, прежде всего как идеолог, несет ответственность за возникновение советской тоталитарной системы, хотя она имела достаточно сложную конфигурацию.

И если Ленина можно считать теоретиком с известной долей условности, то в области практической политики он, несомненно, представлял собой фигуру выдающуюся. Его главный талант, по словам того же Троцкого, заключался в поразительной интуиции, в способности «на лету» оценивать явления, отделять существенное и важное от шелухи, заполнять воображением недостававшие части картины и наносить удар одновременно с тем, как в голове складывалась «формула» удара. «Это – интуиция действия, – заключал Троцкий» [37]. Развитая интуиция в сочетании с незаурядной политической волей постепенно превратили Ленина в лидера социал-демократического движения в стране.

Не менее значительный вклад в процесс образования социалистической партии в России внесли Ю. Мартов (Цедербаум), А. Потресов, В. Засулич, Г. Плеханов. Существенным этапом на этом пути было создание петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.), в деятельности которого удалось соединить централизованное и конспира-

тивное начало с регулярными связями с массовым рабочим движением в городе. Возникшие в ряде других городов России аналогичные организации стремились к координации своей деятельности. Результатом стало провозглашение Российской социал-демократической рабочей партии на ее первом съезде в Минске (1898 г.), принятие первого программного документа – Манифеста. Съезд был подготовлен киевскими социал-демократами при участии С. Радченко от столичной организации.

Решающий этап начался с конца 1900 г., когда стала регулярно выходить задуманная Ю. Мартовым, А. Потресовым и В. Лениным социал-демократическая газета «Искра». Состоявшийся летом (июль–август) 1903 г. II съезд РСДРП, на котором присутствовала 43 человека от 26 комитетов, конституировал партию. На нем была принята Программа партии, Устав, избраны ее руководящие органы. Программа была выдержана в духе ортодоксального марксизма и предусматривала в качестве главной цели – осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Ближайшей задачей было свержение царского самодержавия и установление демократической республики в России. В программу входили также специальные требования для рабочих и аграрный раздел. Последний не был радикальным и ограничивался требованием возвращения крестьянам «отрезков», т. е. части земли, отобранной у них во время осуществления реформы 1861 г.

Устав основывался на централизме как главном принципе строения партии. Известно, однако, что наибольшие дебаты на съезде разгорелись именно по организационным вопросам и, в частности, были связаны с определением членства в партии и структуры ее руководящих органов. Это разногласие положило начало формированию двух течений внутри российской социал-демократии: меньшевизма, лидером которого со временем стал Ю. О. Мартов, и большевизма во главе с Лениным. На уровне II съезда РСДРП «большевизм» и «меньшевизм» оказывались малооформленными вариантами эволюции социал-демократизма», хотя со временем разногласия углублялись. Как считал Ю. О. Мартов, во многом в этом был виноват В. И. Ленин, создавший «осадное» положение в партии [38].

Сегодня исследователи отошли от того примитивного деления на революционеров и оппортунистов, которое было одним из «китов» советской историографии. Меньшевизм как в момент своего рождения, так и спустя еще многие годы, был разновидностью ортодоксального марксизма. На теоретическом уровне в этот период становления российской социал-демократии разница прослеживалась в основном в отношении к политической демократии, точнее, к соотношению демократических и социалистических задач. Все вопросы политической деятельности Мартов, как и Ленин, решал в рамках марксистской парадигмы, но в отличие от Ленина, который на протяжении всей своей деятельности рассматривал политическую демократию исключительно с классовых позиций, Мартов видел в буржуазной демократии, несмотря на всю ее ограниченность и недостатки, значительный шаг в обще-цивилизационном развитии человечества. Отсюда вытекала и разница в постановке ими задач освободительного движения в России. Если Ленин настаивал на переплетении демократических и социалистических задач в политической борьбе рабочего класса в России, то Мартов акцентировал внимание на четкой последовательности, очередности решения этих задач и уже тогда дал ту формулу их сочетания, которой и он сам, и меньшевизм в целом сохранили верность до конца: для партии «... демократический строй... не конечная цель, а только средство к цели, но средство независимое, которое должно быть завоевано прежде всего». По мере развития российского революционного процесса разногласия и споры между Мартовым и Лениным по данному вопросу усиливались, перетекая от плоскости теоретической в практическую – форму государственного устройства демократической России и в вопрос о диктатуре. Мартов настаивал на том, что Маркс понимал под диктатурой пролетариата «завоевание демократии», а «утопический характер» этому понятию придал Ленин, трактуя его как «господство пролетариата, т. е. всей его массы». На самом же деле, считал Мартов, диктатура «всегда и везде... была дик-

татурой (частью) верховного владыки, частью приближенной к нему правящей клики» [39]. Важными пунктами разногласий также стали различия в оценке социально-экономической и политической ситуации в России; определение степени готовности России к социалистической революции; характер тактических средств; значительно большая ориентация меньшевиков на легальные способы политической деятельности.

Таким образом, в начале XX в. в России возникла социал-демократическая партия, для которой были наиболее характерны типичные для всех российских политических объединений черты: определенный утопизм политической программы, проявившийся в отчетливо декларируемой ориентации на социалистическую революцию, в страстном субъективном стремлении воплотить марксистский социализм в России. В этом стремлении преуспел именно большевизм, во многом за счет более высокой, по сравнению с другими политическими объединениями в России степени организованности, наличием лидера, сочетавшего мощную политическую волю с «интуицией действия». Характерно, что в марте 1918 г. большевики официально распрощались со своим социал-демократическим прошлым, переименовав Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков) в Российскую коммунистическую партию. В истории большевизма наступил новый период, когда одно за другим стали сбываться предсказания Плеханова, Мартова, Каутского, Р. Люксембург с ее «Рукописью о русской революции». Но трудно не согласиться с исследователем С. В. Тютюкиным, который полагает, что с крушением того общественного строя, который был создан под руководством ВКПб–КПСС, были похоронены, может быть, самые массовые и благородные иллюзии, которые когда-либо знало «человечество» [40].

1.2. Консервативные партии в России в начале XX в.: лидеры, идеология и практика

Пожалуй, ни одна из политических сил в России в начале XX в. не имела столь негативного образа в общественном и научном сознании за минувшее столетие как русские консерваторы. Чаще всего они именовались черносотенцами, националистами, реакционерами, погромщиками и ретроgrадами.

Историческая реабилитация русских консерваторов началась в 1990–2000-е гг. В этот период было опубликовано большое количество исследований, которые опровергали многие черные мифы о консерватизме, реконструировали его доктрину и политическую практику. Значительное внимание уделялось идейному наследию и деятельности правых партий, а также их лидеров в работах С. А. Степанова [41], В. В. Кожина [42], Ю. И. Кирьянова [43], А. В. Репникова [44]. В современной науке все чаще используются нейтральные внеидеологические определения – правомонархические или правые партии, традиционалисты-монархисты, консерваторы [45].

Правые политические партии начала XX в. в значительной мере выступали наследниками русской консервативной интеллектуальной традиции, сформировавшейся в XIX в. Консерватизм являлся одной из классических политических идеологий наряду с либерализмом и социализмом. Он оформился в Европе после Французской революции, став политической и мировоззренческой антитезой прогрессистским учениям. В основе консерватизма лежала приверженность к традиционным ценностям и социально-политическим институтам, которые подверглись мощной волне критики в рамках общественного дискурса в эпоху Просвещения. Прежде всего, церкви, монарху, государству и семье. Консерватизм не отрицал возможности и необходимости перемен в обществе, однако ограничивал их рамками национальных и религиозных традиций.

Отличительной особенностью русского консерватизма на всём протяжении XIX – начала XX вв. был его реактивный характер. В России консерватизм как политическая идеология начал оформляться в первой четверти XIX в., будучи попыткой, с одной стороны, воспрепятствовать либерализации общественно-политической системы страны со стороны М. М. Сперанского; с другой стороны, обосновать самобытный путь развития России на фоне повальной галломании русской элиты и наполеоновского нашествия.

У истоков русского консерватизма стояли такие известные представители высшей административно-политической, военной и научной элиты, как адмирал А. С. Шишков, генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин, известный историк М. Н. Карамзин, военный министр А. А. Аракчеев и др. [46]. Значительный вклад в историю консервативной общественно-политической мысли внесло первое поколение славянофилов – А. С. Хомяков, братья И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, Ю. Ф. Самарин. Славянофилы обосновали самобытный путь развития России на основе православия и самодержавия; критиковали окружающую социально-политическую реальность, в том числе крепостное право, абсолютистскую форму правления, которая вытеснила исконное русское самодержавие после реформ Петра I, выступали за реанимацию народного представительства в виде Земских соборов. Многие из идейного наследия славянофилов было заимствовано и развито последующими поколениями русских консерваторов.

Реформы Александра II дали мощный толчок развитию консервативной мысли, которая в целом критически восприняла преобразования 1860–1870-х гг. и приветствовала их пересмотр в период правления Александра III. Развитие революционного движения в лице народников-социалистов, набиравших популярность марксистов, обуславливала попытки сформулировать идеологический ответ со стороны консервативной части общества. В постре-

форменный период оформилась новая плеяда ярких представителей консерватизма, таких как М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, К. Н. Леонтьев, Д. А. Хомяков, Л. А. Тихомиров и др. Однако они не представляли собой единого идеологического течения: каждый из них по-разному реагировал на происходившие в стране глобальные изменения.

На патерналистских позициях, признававших ведущую роль государственного аппарата и категорически отрицавших необходимость демократизации общественной и политической жизни страны, стояли представители так называемого «го-сударственнического» или «бюрократического консерватизма» – обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев (1827–1907 гг.) и главный редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков (1818–1878 гг.) [47]. Консерваторы-государственники были принципиальными противниками народного представительства, в том числе Земского собора, полагая, что последний трансформируется в парламент западноевропейского типа. Вместе с тем М.Н. Катков, будучи представителем журналистского сообщества, признавал необходимость активной борьбы за общественное мнение, роль и влияние которого в обществе неуклонно возрастала.

«Государственникам» оппонировали представители славянофильского течения русского консерватизма. Знаменитая формула «Сила власти – царю, сила мнения – народу» была краеугольным камнем их идеологии. С момента своего возникновения на рубеже 30–40-х гг. XIX столетия славянофилы отстаивали идеи эмансипации общественной жизни в России, являлись поборниками сельской общины, ратовали за возрождение совещательных Земских соборов, которые считались русской исторической формой общения между царём и народом, противоположной европейскому парламентаризму. Славянофильское учение так и не доразвилось в целостную социально-политическую доктрину. Тем не менее славянофильская идея широкого развития местного самоуправления на началах общинности и их традиционный постулат о возрождении Земских соборов оказали глубокое влияние на становление русской консервативной доктрины в начале XX века. Кроме того, в работах идеологов «позднего славянофильства» – С. Ф. Шарапова и Д. А. Хомякова – был дан критический анализ развитию капитализма в России, оказавший значительное воздействие на идеологию и программы правых партий.

Идеи предыдущих поколений русского консерватизма были синтезированы выдающимся представителем русской монархической мысли, разработчиком теоретической доктрины русского консерватизма – Львом Александровичем Тихомировым (1852–1923 гг.). Человек легендарной судьбы, бывший член Исполкома «Народной воли», заочно приговоренный к смертной казни после убийства Александра II, затем революционный эмигрант и, наконец, ведущий публицист и теоретик правого лагеря, Л. А. Тихомиров привнес много нового в методологию консервативной мысли и тактику политической борьбы на рубеже XIX–XX вв. [48] Во многом под влиянием идей родоначальника сословно-корпоративного консерватизма К. Н. Леонтьева (1831–1891 гг.) он разработал доктрину монархического корпоративного государства. Как и его предшественники-консерваторы, Тихомиров, ссылаясь на опыт западных стран и мнения авторитетных зарубежных ученых, считал либеральный парламентаризм фикцией народного представительства. Реальным носителем политической власти в демократических странах, как следует из его работ, являлся не народ, а класс так называемых политиканов – профессиональных политиков. Классическое либеральное («общегражданское») государство, устранившись от социальной сферы, по сути, легализовало классовое угнетение неимущих. Поэтому либеральное государство, делал вывод Л. А. Тихомиров, являлось государством классовым, а именно, буржуазным. Тогда как, продолжал автор, государство обязано выступать в качестве силы над-классовой, играя роль арбитра социальных интересов и отождествляя свои интересы не с интересами отдельного класса, а с интересами всей нации. Народ в тихомировской концепции представлялся в виде сложного конгломерата социальных групп – сословий, корпораций и др., – каждое из которых имело свои определенные интересы, зачастую противоположные интересам прочих сословий или корпораций (социальная группа, определяемая принадлежностью

к той или иной сфере профессиональной деятельности). В связи с этим особая роль отводилась монархической верховной власти, не зависевшей от отдельных классов или сословий, а потому способной проводить независимую от них внутреннюю политику. Теоретик разработал систему местного самоуправления и народного представительства, основные положения которой были изложены в его фундаментальном труде «Монархическая государственность» (1905 г.) и в ряде последующих работ. Тихомиров предложил создать орган народного представительства, совещательный по характеру и корпоративный по принципу формирования. По его мнению, интересы того или иного социального слоя (корпорации) должны представлять исключительно представители данной корпорации, а не политиканствующая интеллигенция, как в парламенте.

Таким образом, русский консерватизм в конце XIX – начале XX вв. представлял собой самостоятельную социально-политическую доктрину, разработанную несколькими поколениями мыслителей. Новый этап в развитии русского консерватизма пришёлся на революцию 1905–1907 гг. Революционная стихия, всколыхнувшая общественное сознание и обусловившая начало кардинальной трансформации общественно-политической системы после опубликования Манифеста 17 октября, вызвали широкий резонанс в консервативной среде. Борьба с революционной смутой и сохранение самодержавной формы правления стали ключевыми задачами сознательных монархистов. Апелляция к ключевым архетипам традиционного русского самосознания позволило правым создать массовое, всесословное политическое движение.

В отличие от предыдущего опыта элитарных консервативных организаций («Священная дружина», «Русское собрание»), в 1905 г. по всей стране было создано большое количество монархических организаций: Союз законности и порядка (Орел), Партия народного порядка (Курск), Царско-народное общество (Казань), Самодержавно-монархическая партия (Иваново-Вознесенск), Белое знамя (Нижний Новгород), Двуглавый орел (Киев), Союз русских православных людей (Шуя) и др. Весной 1905 г. на базе редакций основанных М. Н. Катковым ведущих монархических изданий – газеты «Московские ведомости» (редактором которой впоследствии станет Л. А. Тихомиров) и журнала «Русский вестник» – была образована Русская монархическая партия (впоследствии – Русский монархический союз), руководителем которой стал редактор этой газеты В. А. Грингмут. В том же году в Москве возник Союз русских людей во главе с братьями Павлом и Петром Шереметевыми. В состав Союза вошли видные представители консервативной интеллектуальной элиты, в том числе Д. А. Хомяков.

В ноябре 1905 г. в Санкт-Петербурге была создана самая многочисленная и влиятельная правая партия – Союз русского народа (СРН). Он быстро расширил сферу своего влияния, так как изначально был ориентирован на широкие массы населения. В отличие от вышеупомянутых политических организаций он быстро перерос региональные рамки и стал общероссийской партией. В течение полутора лет была создана сеть провинциальных отделов почти по всей России. К Союзу присоединился ряд ранее самостоятельных черносотенных организаций: Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, Курская партия народного порядка, Орловский союз законности и порядка, Петербургское общество активной борьбы с революцией и др. Программа СРН на одном из монархических съездов была признана наиболее удачной и рекомендована для распространения среди других правых партий [49].

Руководящим органом СРН являлся Главный совет, председателем которого был врач А. И. Дубровин; его товарищем (заместителем) – бессарабский помещик В. М. Пуришкевич. Следующим звеном были губернские отделы со своими советами, далее городские и уездные и сельские подотделы. Союз русского народа объединял под своим контролем практически все правомонархические организации страны. Из 2229 отделов монархических партий и организаций 2124 входили в состав Союза русского народа. Многие провинциальные монархические организации были включены в Союз русского народа на правах отделов. Однако, как отмечает

С. А. Степанов, «самым уязвимым местом была их слабая организованность» [50], поскольку так и не был создан единый координирующий центр правых. Это мнение находит подтверждение в мемуарах ряда лидеров Союза (Н. Е. Маркова и др.), в которых отмечалось, что потенциально СРН «с его 3–4 тысячами местных советов представлял великолепное ядро для образования... государственной организации всенародного монархизма». Однако правые подчеркивали нежелание властей опереться на эту силу: «Если бы тогдашнее правительство... поддержало бы и осуществило бы правильную спасительную мысль о необходимости опереть верховную власть на организованную в мощные монархические Союзы лучшую часть народа, – история России была бы совсем иная» [51].

Наивысшего подъема СРН достиг к концу 1907 – началу 1908 гг. По данным МВД, в 2229 местных организациях числилось более 400 тыс. человек. Учитывая значительное количество сочувствующих, реальная численность сторонников СРН и других правомонархических организаций значительно превышала официальные данные. Таким образом, консерваторы по численности опередили все политические партии России вместе взятые [52].

Причинами высокой популярности СРН и других консервативных организаций в период революции 1905–1907 гг. стали патриархальный менталитет значительной части общества, сохраняющийся высокий уровень доверия к верховной власти в лице царя, неприятие широкими народными массами изменений привычного уклада жизни и размывание традиционной системы ценностей в ходе модернизационных процессов.

Наибольшую популярность СРН снискал в юго-западных губерниях Российской империи (так называемая черта оседлости, где особенно остро стоял национальный вопрос), Санкт-Петербурге, Москве, Центрально-черноземном районе Европейской России, Поволжье.

Особенностью массового консервативного движения был его общенародный характер. В программе СРН отмечалось, что их организации, в отличие от других партий, выражают интересы всей нации. В рядах Союза были представлены все слои русского общества: аристократия, интеллигенция, духовенство, мещане, рабочие, крестьяне.

Несмотря на критику интеллигенции за ее приверженность к революционным и либеральным взглядам, значительная часть руководства СРН состояла из представителей творческих профессий – ученых, писателей, врачей, адвокатов. Среди них выделялись: академик А. И. Соболевский, филолог и один из зачинателей исторического изучения русского языка; хранитель Горного музея Н. П. Покровский; художник А. А. Майков (сын известного поэта); крупные публицисты и издатели – В. А. Грингмут, С. А. Нилус, А. С. Суворин; адвокаты – А. И. Тришатный и П. Ф. Булацель. Активно участвовали в консервативном движении авторитетные православные архиереи и священники: митрополит Серафим (Чичагов), митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Андроник (Никольский), протоиерей Иоанн Восторгов, настоятель Андреевского собора в Кронштадте протоиерей Иоанн Кронштадтский.

Вопреки расхожему мнению в консервативных организациях был широко представлен рабочий класс. Пытаясь воспрепятствовать революционной пропаганде среди рабочих, правые вели в их среде активную просветительскую работу. В Петербурге Путиловский завод во время революции 1905 г. являлся одним из центров правомонархического движения. В Центральном промышленном районе значительную часть активистов черносотенных организаций составляли рабочие. В Киеве Союз русских рабочих, согласно донесению киевского вице-губернатора в Департамент полиции от 7 декабря 1907 г., объединял в своих рядах 6,5 тыс. человек [53].

Активную агитацию консерваторы развернули среди крестьян, рассчитывая на традиционную преданность престолу российской деревни. Крестьяне составляли подавляющее большинство членов и сторонников правых партий. Зачастую в Союз вступали целыми селами и деревнями. Особенно успешной эта агитация была на западных окраинах империи, где земельный вопрос имел национальную подоплёку.

Стержневой частью идеологии правых партий, в том числе СРН, был тезис о необходимости сохранения самодержавной власти, являвшейся гарантом сохранения целостности и могущества страны. Русская монархическая партия ратовала за сохранение незыблемости самодержавия, против попыток превратить Россию в конституционную монархию или республику. При этом в рядах правых не было единства в вопросе определения «идеального» самодержавия. Некоторые из них (Русская монархическая партия под руководством В. А. Грингмута, сторонники А. И. Дубровина в Союзе русского народа) выступали за возврат к дореформенным порядкам (т. е. до Манифеста 17 октября 1905 г.), тогда как другая влиятельная группа монархистов (Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич и др.) считала необходимым принять новые «узаконения», исходящие от монарха. Наконец, существовала третья группа монархистов, которая выступала за «народное участие» в управлении в виде Земских соборов, подвергнув критике Государственную думу. К этой группе, помимо Л. А. Тихомирова и Д. А. Хомякова, следует отнести также главу Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого. По мнению последнего, «Самодержавие сошло со своего истинного пути! Охваченное со всех сторон цепкими когтями бюрократизма, оно разобщилося с народом, замкнулось и само себя упразднило, превратившись в абсолютизм». Исходя из этой установки, Тиханович-Савицкий подчеркивал необходимость поиска такой оптимальной формы государства, которая сочетала бы полноту власти монарха с институтом «верных советников от земли».

В своем стремлении защитить самодержавие от посягательств либеральной оппозиции правые не останавливались перед критикой постановлений правительства. Так, Л. А. Тихомиров посвятил целую серию статей в «Московских ведомостях» критике новых Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. [54]. Тихомиров требовал отмены или редактирования ряда законов нового свода, ограничивавших права монарха и ставивших его законодательные prerogatives в зависимость от Государственной Думы.

Выступая против идей федерализма, не соответствующим историческим и политическим особенностям России, правые, в то же время, постоянно подчеркивали необходимость развития системы местного самоуправления. В программных документах правых партий и правой публицистике предлагались проекты реформирования системы местного самоуправления, но с тем, чтобы «общественная самодеятельность» не противоречила «общей Государственной политике» [55]. Предполагалось реформировать эту систему в духе тихомировских предложений: включить органы местного самоуправления в административную систему Российской империи и формировать их не по «общегражданскому», а по сословно-корпоративному принципу. Важно подчеркнуть, что консерваторы выступали либо за отмену имущественного ценза («которым от выборов отстраняются огромные массы русского народа и повсюду даются преимущества нерусским элементам, вообще более богатым») [56], либо за его снижение. Взамен имущественного и образовательного ограничений правые настаивали на введении национального ценза [57].

Важное место в партийных программах и идеологии правых занимали экономическая и социальная проблематика. В финансово-экономической сфере монархисты выступали с резкой критикой финансовой реформы С. Ю. Витте, которая привела, по мнению их лидеров, к установлению в России режима финансово-экономической зависимости от Запада [58]. Их экономическую программу можно охарактеризовать как экономическую автаркию. Россия, считали они, должна опираться на собственные силы, не должна являться сырьевым придатком развитого капиталистического Запада. Иностранные инвестиции они считали формой закабаления российской промышленности, усиливающей, вместе с тем, и политическую зависимость страны.

Правые выступали за активную социальную политику государства, направленную на профилактику социальных конфликтов. Именно правые (не только в России, но и в Европе) первыми, до социалистов, подняли рабочий вопрос. Государство в их программах должно было

выполнять патерналистские функции в отношении подданных и в том числе рабочих. Автор проекта «зубатовских» организаций Л. А. Тихомиров предлагал перенести опыт общинной самоорганизации русского крестьянства в условия урбанизированной среды с целью социальной адаптации русского пролетариата. В этом случае, был убежден теоретик, рабочие будут видеть, что государство выполняет возложенную на него функцию защиты от классовой эксплуатации [59]. В чем-то сходные рецепты предлагал Н. Н. Тиханович-Савицкий, который утверждал: «Народу нужен Царь самодержавный, богачам нужны – конституция и парламент... Государь, поддерживаемый трудящимся народом, всегда станет защищать его интересы от засилия капиталистов, которые стремятся захватить его власть и даже лишить его престола». В своих программных документах правые требовали сокращения рабочего дня на производстве, улучшения условий труда, государственного страхования и т. д. [60].

Однако наиболее болезненным для правых был аграрный вопрос. Здесь столкнулись экономически интересы дворянства, занимавшего руководящие посты в правых партиях, и крестьянства, из которых состояла их рядовая масса. Исходя из принципов незыблемости частной собственности и отрицательно относясь к требованиям отчуждения помещичьей земли, Союз русского народа выдвинул требования продажи по низким ценам казенных земель, организации государственной переселенческой политики, развития мелкого кредита, повышения земледельческой культуры и т. д.

По-разному правые оценивали столыпинскую аграрную реформу, что стало одной из причин раскола Союза русского народа. А. И. Дубровин и его сторонники негативно относились к идее разрушения крестьянской общины, которая, по их мнению, препятствовала обезземеливанию сельского населения, его пролетаризации и росту революционных настроений в деревне. Вместе с тем у сельской общины, подчеркивали идеологи правых, помимо экономической имелась важнейшая социальная функция. Она являлась средой воспроизводства патриархально-монархического сознания русского крестьянства. Консерваторы полагали, что проекты чиновников-«прогрессистов», направленные на модернизацию русской деревни, вели к глубинным социокультурным сдвигам, что в итоге могло привести к крушению всей русской государственности.

Наряду с поборниками общинного землевладения в рядах правых присутствовали поборники столыпинской аграрной политики, в частности, бессарабский помещик В. М. Пуришкевич, а также курский помещик Н. Е. Марков. Эта часть монархистов поддерживала курс на капитализацию сельского хозяйства, считая общину тормозом экономического развития России. Кроме того, они опасались, что община представляет собой сплочённую социальную организацию страдающих от малоземелья крестьян, разрушение которой сможет отвести угрозу от помещичьей собственности.

Национальный вопрос занимал в идеологии и программе СРН важнейшее место. Ключевым его элементом вопреки распространённому мнению был не еврейский, а окраинный вопрос, суть которого заключалась в выработке эффективных механизмов интеграции национальных окраин в общегосударственное культурно-правовое поле. Консерваторы выступали сторонниками унитарного территориального устройства Российской империи, унификации всех сфер жизни на окраинах, в том числе в Финляндии, Польше, на Кавказе [61].

Программные документы правых партий обосновывали идею «единства и нераздельности Российской империи». Это могло быть достигнуто, по мнению правых, только тогда, когда основа государства – русский народ – будет наделен определенными правами и привилегиями, которые должны были обеспечиваться твердой и планомерной политикой государства. При этом в число русских включались малороссы (украинцы) и белорусы. Ряд неотъемлемых и обязательных мер, связанных с закреплением положения русского народа, как «государствообразующего», необходимо было осуществить на всей территории империи. Одной из таких неотъемлемых мер признавалась необходимость обязательного повсеместного осуществление

того, «чтобы русский язык был языком власти, администрации, общественных учреждений, войска, суда и государственной школы» [62].

В то же время, ряд лидеров правых партий, например В. М. Пуришкевич, выступали за установление тесных связей с российскими мусульманами как наиболее консервативной и верноподданной части населения Российской империи. Местные отделения СРН в Поволжье тесно сотрудничали с татарскими общественными организациями и мусульманским духовенством. Часть местных татар были членами региональных консервативных организаций. В Казанской губернии наряду с черносотенным «Царско-Народным Русским обществом» существовало «Царско-Народное Мусульманское общество» – татарская мусульманская черносотенная организация [63].

После первой русской революции популярность правых монархических организаций, в том числе СРН, пошла на спад. Численность консервативных партий неуклонно сокращалась. Многие местные отделения существовали лишь на бумаге. Это объяснялось затуханием революционного процесса в стране после 1907 г.: многие сторонники правых партий считали свою миссию по борьбе с революцией выполненной, а дальнейшее пребывание в их составе неоправданным. Сказывалось разочарование значительной части крестьян и рабочих отсутствием конкретных действий по решению насущного аграрного и рабочего вопросов, а также усталость от социальной демагогии и популизма лидеров правых партий.

Углубляющийся кризис массового консервативного движения и выбор дальнейшей стратегии развития в условиях развивающегося парламентаризма обусловил раскол СРН. В конце 1908 г. из рядов Союза вышел В. М. Пуришкевич и ряд его сторонников, которые основали Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА). В 1912 г. в результате конфликта А. И. Дубровина и Н. Е. Маркова Союз русского народа распался на Всероссийский дубровинский Союз русского народа (ВДСРН) и обновленческий Союз русского народа. Одной из причин раскола в консервативном лагере стало отношение к Государственной думе, которая, по мнению консерваторов, умаляла власть самодержавного монарха и представляла собой посредника, отделявшего государя от народа. Однако, если дубровинцы так и остались бескомпромиссными противниками российского парламента, то сторонники В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова допускали возможность участия правых в работе Государственной думы, хотя и выступали за изменение формулы выборов с целью отсека леворадикальных элементов и представителей от национальных окраин. В отличие от ВДСРН, практиковавшего непарламентарные методы политической борьбы, вплоть до применения насилия, «обновленцы» использовали легальные способы политической деятельности: от думской трибуны до газет и листовок, лояльно относились к правительству Столыпина.

Первоначально консерваторы выступали за разгон Государственной думы. По итогам выборов в I Думу представители правых партий не получили ни одного мандата. Отказавшись от союза с октябристами, они потерпели сокрушительное поражение, получив всего 9,2 % голосов выборщиков. Сами они объясняли это тем, что почти не участвовали в предвыборной борьбе.

На выборах во II Государственную думу правые изменили тактику, вступив в негласный блок с октябристами и выставив ряд общих кандидатов. За список правых проголосовали 25 % выборщиков от всех курий, что свидетельствовало о поляризации политических сил в стране. Черносотенцам не удалось создать самостоятельную фракцию, хотя депутатами II Государственной думы стали 16 крайне правых депутатов, в то числе В. М. Пуришкевич и П. А. Крушеван. Они понимали, что их силы слишком незначительны, чтобы противостоять либерально-радикальному крылу и по-прежнему призывали правительство распустить учреждение, состоявшее «из революционеров».

Новое «Положение о выборах» после роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. позволило крайне правым получить около 45 мест. Ряды крайне правых в Думе пополнились

ещё одним ярким лидером – Николаем Евгеньевичем Марковым. Внешне он очень напоминал Петра I, за что его прозвали Медным всадником.

Правые депутаты проявляли большую активность в разработке новых законопроектов. За пять лет (1907–1912 гг.) с участием правых были разработаны и утверждены 2197 законопроектов, ставших законами. С думской трибуны консерваторы поднимали вопрос о состоянии русской армии и флота, их боеспособности и вооружении. В думской деятельности правых большое место отводилось вопросам просвещения народа. Предложения, разработанные на съездах и частных совещаниях правых партий и организаций в 1908–1909 гг., легли в основу правительственного курса в области образования [64].

Помимо законотворческой деятельности думская деятельность правых депутатов отличалась эпатажным поведением их лидеров, которые провоцировали своих политических оппонентов, срывали заседания, устраивали скандальные акции. Я. В. Глинка, прослуживший одиннадцать лет в Думе в качестве начальника канцелярии, говорил о Пуришкевиче: «Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкова. Необузданный в словах, за что нередко бывал исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой. Когда охрана Таврического дворца являлась, он садился на плечи охранников, скрестивши руки, и в этом кортеже выезжал из зала заседаний» [65].

В IV Думе черносотенцы увеличили своё представительство до 140 депутатов, превратившись в самую крупную фракцию. Однако в целом правомонархическое движение накануне Первой мировой войны переживало тяжелый кризис. Череда расколов не могла не сказаться на состоянии дел на правом фланге. У многих лидеров правых наступило разочарование в той политической силе, которую они защищали. Некоторые авторитетные деятели правых (тот же Л. А. Тихомиров) отошли от активной политики. Сходная ситуация наблюдалась и на местах. Большинство местных отделов различных правых партий либо перестало существовать, либо вело пассивную деятельность. Падает влияние правых в рабочей и крестьянской среде и даже в дворянских кругах. К концу 1915 г. правые перестали быть серьезной политической силой, их лидеры на местах либо были заняты вопросами организации помощи фронту, либо находились в распри друг с другом.

Начало войны и общий патриотический подъем в стране на время активизировали работу правых, хотя большинство из них придерживалось германофильских позиций. Из области культурно-просветительной работы в защиту самодержавия они перешли к практической помощи в тылу и на фронте. Часть активистов записалась добровольцами на фронт. Другие занялись работой по организации помощи фронту, начали сбор пожертвований и т. д. Так, В. М. Пуришкевич организовал санитарный поезд и был его начальником.

Военные неудачи весны – лета 1915 г. привели к резкому изменению политической обстановки. Создание Прогрессивного блока, в который вошла часть националистов и умеренно-правых, было воспринято монархистами как сплочение врагов самодержавия. В противовес Прогрессивному блоку была предпринята неудачная попытка создать «Консервативный» или «Черный» блок. В то же время правые активно выступали против деятельности Всероссийских земских и городских союзов, военно-промышленных комитетов, которые, по их мнению, занимались не столько оказанием помощи фронту, сколько подготовкой дворцового переворота [66].

Однако начинания правых в Государственной думе в борьбе с политическими противниками потерпели неудачу. Более того, один из лидеров крайне правых, В. М. Пуришкевич, включился в развязанную Прогрессивным блоком кампанию по дискредитации царской династии, произнес в Думе на шумевшую речь о «темных силах» вокруг трона. Попытки Маркова-второго выступить на думской трибуне в защиту династии были остановлены свистом «прогрессивных» думцев.

После начала беспорядков в столице правые не смогли организовать действенной помощи правительству. Как оказалось, те черные миллионы, о которых говорил Дубровин, существовали только в воображении консерваторов. Одними из первых актов Временного правительства стало запрещение правых партий, арест их лидеров и закрытие газет.

Таким образом, правые партии, ставшие основой массового консервативного движения, так и не смогли стать самостоятельным политическим актором. По иронии судьбы, возникнув на волне революционной стихии, они прекратили своё существование на новом этапе революционного подъёма в феврале–марте 1917 г, замкнув круг своего политического существования. Историческое поражение правого движения в России было обусловлено рядом причин.

Во-первых, правые партии в России начала XX в. являлись составной частью истории русского консерватизма, который развивался преимущественно как направление теоретической мысли. При всей идейной глубине доктрины русского консерватизма, сформированной несколькими поколениями интеллектуалов в XIX – начале XX вв., правое движение отличалось крайней неорганизованностью, фрагментарностью и стихийностью. Оседлав волну антиреволюционных настроений в ходе первой русской революции 1905–1907 гг., лидеры правых партий не сумели предложить обществу конструктивную повестку дня после её завершения, ограничиваясь огульной критикой происходивших в обществе политических изменений (учреждение Государственной думы, введение политических прав и свобод и т. д.).

Во-вторых, консервативные партии значительно уступали своим социалистическим и либеральным оппонентам в плане внутренней организации и структурированности. Правые партии образовались позже левых и центристских партий, которые имели опыт многолетней подпольной работы и в ходе легализации осенью 1905 г. представляли собой сложившиеся устойчивые политические структуры. Кроме того, консервативные партии в отличие от своих политических визави изначально не ставили главной целью своей деятельности борьбу за власть, выступая за сохранение существующих порядков и ставя себя в зависимость от воли властей, которые зачастую использовала консерваторов в своих личных интересах.

В-третьих, правые партии, являясь наследниками консервативной политической традиции и социальной структуры патриархального общества, априори не могли стать полноценными участниками парламентской системы – западного феномена нового времени. Они же оказались не способны решать задачи нормального функционирования в рамках политической системы, которая начала формироваться в России после Манифеста 17 октября 1905 г. Союз русского народа и подобные ему организации (так называемое «черносотенство») представляли собой стихийные, аморфные, слабо организованные околополитические движения, которые сами себя никогда не идентифицировали в качестве политических партий, более того призывали всячески бороться с этим продуктом западной политической системы. В беседах о «Союзе русского народа» утверждалось, что «...мы теперь должны твердо сказать и запомнить, что «Союз Русского Народа» не партия и не преследует никаких партийных целей и намерений. «Союз» есть сам Великий Русский народ, под впечатлением злосчастных освободительных событий последних трех лет приходящий в себя и постепенно собирающийся с духом, чтобы отстоять своё достоинство от всех возможных бед. Это есть сам народ, отгребаящийся или освобождающийся от натиска всяких партий, от всего партийного и наносного, а не народного» [67]. Монархисты были ограничены в применении арсенала средств политической борьбы, в отличие от своих политических противников, – не только революционеров-террористов, но даже либералов, которые использовали не менее опасное, чем террор, оружие – безответственные, по мнению правых, выступления с думской трибуны и страниц печати. Попав в иную, чуждую ему социокультурную среду мировоззренческой и политической конкуренции, консерватизм фактически был обречен на поражение.

В-четвертых, как ни парадоксально, но наиболее ощутимые удары по правым партиям были инспирированы правительственными кругами, которые опасались консолидации консер-

вативных сил, всё более активно критиковавших неэффективную, по их мнению, политику властей. После подавления революции 1905–1907 гг. потребность в массовом консервативном движении у правительства отпала. Высокий уровень социально-политической активности лидеров правых партий и их чрезмерная идейность раздражали представителей высшей политической элиты, преследовавших собственные корпоративные интересы на волне социально-политических изменений в стране. Кроме того, многие идеи и инициативы русских консерваторов были несвоевременными и утопичными.

В-пятых, социальная база русского консерватизма постоянно размывалась: дворянство, купечество, духовенство, крестьянство в начале XX в. переживали процесс социальных мутаций, границы между сословиями размывались. Многие представители этих традиционно монархических слоев населения уже не придерживались консервативных убеждений. Так, среди дворянства и купечества были сильны либеральные взгляды, позволявшие конвертировать финансово-экономические ресурсы в политическую власть. Значительная часть крестьянства приоритетной задачей считало решение социально-экономических задач, прежде всего проблемы малоземелья. Программы правых партий и практическая деятельность их лидеров не удовлетворяли завышенных ожиданий крестьянства. Деструктивным фактором выступали антагонистические противоречия между лидерами консервативных партий, среди которых были крупные помещики, отстаивавшие незыблемость частной собственности на землю, и рядовым составом черносотенных организаций, мечтавшим о «чёрном переделе». Просветительская работа среди промышленных рабочих оказывалась всё менее эффективной перед натиском революционной пропаганды. Тем самым монархисты на социологическом уровне проиграли борьбу «прогрессистам» – либералам и социалистам, разделивших симпатии не только русской интеллигенции, но и представителей других слоёв населения, в том числе крестьян и рабочих.

Примечание

1. См. напр.: Власть и общество в представлении левых общественно-политических движений. – М.: ИВИ РАН, 2005.
2. См. подробнее: Кононенко А. А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров // Вопросы истории. – 2005. – № 2.
3. Коновалова О. В. В.М. Чернов о путях развития России. – М.: РОССПЭН, 2009.
4. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1954–1965. – Т. XII. – С. 309, 310, 433; – Т. XIV. – С. 183; – Т. XIII. – С. 179.
5. Литература партии «Народная Воля». – М., 1930. – С. 127. 6. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. – М., 1956. – Т. 1. – С. 66.
7. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. – М.: Центрполиграф, 2006.
8. Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары – Минск: Хорвест, 2004. – С. 122.
9. Чернов В. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин-Петербург-Москва, 1922. – С. 25, 26.
10. Маслов П. П. Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб., 1913. – Т. 3. – Кн. 5. – С. 91.
11. Чернов В. Записки социалиста-революционера. – С. 274.
12. Чернов В. М. [Ю. Гарденин]. Маркс и Энгельс о крестьянстве: историко-критический очерк. – М., 1906. – С. 12, 16.
13. Чернов В. М. Философские и социологические этюды. – М., 1908. – С. 214.
14. Революционная Россия. – 1904. – №46.
15. Чернов В. М. Записки социалиста-революционера... – С. 163–164.

16. Программа партии социалистов-революционеров // Программы политических партий и организаций России конца XIX-XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. – С. 66.
17. Там же. – С. 61–62.
18. Проект программы партии социалистов-революционеров, разработанный редакцией «Революционной России» // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 1996. – Т. 1. – С. 119–123.
19. *Ненароков А. П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии: монография. – М., 2012.
20. Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Ю. О. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова. – СПб, 1910. – Т. 2. – Кн. 4. – С. 283, 307.
21. Левые в Европе XX века: люди и идеи: сб. статей. – М.: ИВИ РАН, 2001; *Корчагина М. Б.* Левая идея в XX веке // Власть и общество в представлении левых общественно-политических движений. – М.: ИВИ РАН, 2005.
22. *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избранные философские произведения. – М., 1956. – Т. 1. – С. 288–289.
23. *Тютюкин С. В., Плеханов Г. В.* Судьба русского марксиста. – М.: РОССПЭН, 1997; *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Марксисты и русская революция. – М.: РОССПЭН, 1995.
24. *Плеханов Г.* Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения. – М., 1956. – Т. 1. – С. 110.
25. *Milikov P.* Russia and its crisis. – London, 1969. – P. 246.
26. *Струве П.* Из размышлений о русской революции // Русская мысль. – 1907. – № 1.
27. *Плеханов Г.* Год на Родине. – Париж. 1921. – Т. 1. – С. 218.
28. *Плеханов Г. В.* Год на Родине. – 1921. – Т. 1. – С. 188–189.
29. *Плеханов Г. В.* Год на Родине. – 1921. – Т. 3. – С. 208.
30. *Струве П.* Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. – Вып. 2. – СПб., 1894. – С. 132.
31. *Улам А.* Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. – М.: Центрполиграф, 2004; *Медушевский А. Н.* Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5, 6.
32. *Валентинов В.* Малоизвестный Ленин. – М.: Мансарда Смарг, 1991. – С. 150.
33. *Бердяев П.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 97.
34. Под знаменем марксизма. – 1922. – № 5. – С. 129.
35. *Троцкий Л. Д.* О пятидесятилетнем (Национальное в Ленине) // К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – С. 236–237.
36. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 8. – С. 242.
37. *Троцкий Л. Д.* Указ. соч. – С. 236.
38. *Мартов Ю. О.* Борьба с «осадным» положением в российской социал-демократической партии – Женева, 1904. – С. 14.
39. Письмо Плеханову. 12 декабря 1908 // Мартов Ю. О. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 553.
40. *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 543.
41. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914). – М., 1992; – М., 2005.
42. *Кожин В. В.* «Черносотенцы» и революция. – М., 1998.
43. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.
44. *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. – М., 2007.
45. См. напр.: *Кирьянов Ю. И.* Правые партии России. 1911–1917. – М., 2001. – С. 14–25.
46. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011.

47. *Пайнс Р.* Русский консерватизм во второй половине XIX в. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. – М., 1970.
48. См. подробнее: *Милевский О. А.* Тихомиров: две стороны одной жизни. – Барнаул, 2004.
49. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг.: в 2 т. – М., 1998. – Т. 1.
50. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914). – М., 1992. – С. 125.
51. *Марков Н. Е.* Войны темных сил. – М., 1993. – С. 118.
52. *Степанов С. А.* Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелёва. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 88.
53. Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 94.
54. *Тихомиров Л. А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. – М., 2003. – С. 450–457.
55. Программа Русской монархической партии // Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 111.
56. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 392.
57. Программа Союза русского народа // Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 107.
58. «Перед нами неизбежное государственное банкротство». Записка С. Ф. Шарапова о финансовом в России // Источник. – 1995. – № 5 – С. 4–13.
59. См. подробнее: *Попов Э. А.* Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX – начале XX вв.: дисс. канд. историч. наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 123–126.
60. Программа Русской монархической партии // Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX века. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 111–112.
61. См. подробнее: *Аверьянов А. В.* Национальный вопрос в доктрине и политической практике русского консерватизма в конце XIX – начале XX вв.: дисс. канд. историч. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
62. Постановления IV Всероссийского съезда объединённого русского народа в Москве // Правые партии... – С. 328.
63. *Алексеев И.* Татарский след в черносотенном движении. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2006/01/06/tatarskij_sled_v_chernosotennom_dvizhenii (дата обращения: 02.07.2017).
64. *Никифорова С. М.* Политическая борьба правых партий за сохранение самодержавия в России (1905–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – Орёл, 1999. – С. 17.
65. *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. – М., 2001. – С. 51.
66. См.: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. – М. 2003.
67. Епископ Андроник «Беседы о «Союзе Русского Народа»». Старая Русса, 1909. – URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/ andrnk.htm> (дата обращения: 02.07.2017).

Контрольные вопросы и задания

1. Какие элементы в идеологии народничества можно считать прогрессивными, а какие нет?
2. В чём заключается гуманистическое содержание идеологии народничества.
3. Чем отличается либеральное народничество от остальных радикальных течений народнического толка?
4. В чём состоит различие между народничеством и неонародничеством? Составьте таблицу сопоставления идеологии народников и неонародников по основным программно-политическим параметрам.

5. Дайте развернутый ответ: что явилось причиной распространения марксизма в России?
6. По какой причине многие сторонники радикальных преобразований в России в 80-е гг. перешли от народничества к марксизму?
7. В чем состоит политическая уникальность «легального марксизма»?
8. Сравните народническую и марксистскую политическую платформу и ответьте на вопрос: какие параметры идеологии их объединяют, а какие наоборот разделяют?

Тесты для самопроверки знаний

1. *Что в теоретической модели социализма неонародников во многом совпадало с представлениями социал-демократов?*
 - Ориентация на интересы личности, гармонию между ней и обществом;
 - Отказ от градации различных социальных групп по степени сознательности, революционности;
 - Вывод, что крестьянство «не менее социалистическое», чем пролетариат.
 - Создание централизованного общества, планомерной организации экономики.
2. *Что должно было прийти на смену самодержавию по мнению идеологов неонародничества?*
 - Диктатура пролетариата в форме советов;
 - безгосударственное устройство;
 - конституционная монархия;
 - демократическая республика с развитым местным самоуправлением.
3. *В каком году Г. В. Плеханов со своими единомышленниками организовал группу «Освобождение труда»?*
 - в 1918 г.;
 - в 1885 г.;
 - в 1883 г.;
 - в 1876 г.
4. *Свою цель члены группы «Освобождение труда» видели в... (выберете соответствующее выражение):*
 - ликвидации феодальных пережитков в экономике;
 - осмыслении опыта европейских революций сер. XIX в., установке тесной связи между всеми народами мира;
 - организации террористических действий;
 - переводе марксистских произведений на русский язык и пропаганде их среди русской общественности.
5. *«Кульминацией и крахом» народничества станет:*
 - анархические убеждения;
 - «хождение в народ»;
 - раскол организации;
 - убийство Александра II.
6. *Для классического народничества не было характерно:*
 - утопизм;
 - волютаризм;
 - терроризм;
 - эгалитаризм.
7. *Автором основных программных установок неонародников был:*
 - В. М. Чернов;

А. Южаков;

К. Михайловский;

Г. В. Плеханов.

8. Либерализм Б. Чичерина нельзя отнести к:

интеллигентскому либерализму;

академическому либерализму;

классическому либерализму;

неолиберализму.

9. Земское либеральное движение набирает силу к:

90-м годам XIX в.;

80-м годам XIX в.;

60-м годам XIX в.;

70-м годам XIX в.

10. К легальным марксистам не относился:

М. Туган-Барановский и П. Новгородцев;

М. Ковалевский и П. Виноградов;

П. Милюков и Н. Бердяев;

К. Михайловский и В. Стасюлевич;

Д. Шаховский и кн. Е. и С. Трубецкие.

11. Радикализм неолиберальной идеологии не проявлялся в:

в идее бессловного народного представительства;

во всеобщем избирательном праве;

в признании «государственного социализма»;

требовании федеративного устройства государства.

12. Для либералов в целом был характерен:

аполитичность;

демократизм;

радикализм;

эволюционизм.

13. Неолибералы допускали политический союз с:

консервативным направлением мысли;

народничеством;

крестьянским движением;

демократическим рабочим движением.

14. Автором основных программных установок неолибералов не был:

Б. Н. Чичерин;

Н. А. Бердяев;

П. Б. Струве;

П. Н. Милюков.

15. Кто из идеологов русского консерватизма является автором работы «монархическая государственность»?

К. П. Победоносцев;

Д. А. Хомяков;

М. Н. Катков;

Л. Тихомиров.

16. Элитарный политический клуб, образованный в 1900 г. в России назывался:

Дворянское собрание;

Государственное собрание;

Национальное собрание;

Русское собрание.

17. К сословно-корпоративному направлению консерватизма относился:

М. Н. Катков;

К. П. Победоносцев;

К. Н. Леонтьев;

Л. Тихомиров.

18. Одним из ведущих монархических изданий в России было:

«С.-Петербургские ведомости»;

«Голос»;

«Биржевые ведомости»;

«Московские ведомости».

19. Что идеологи монархизма понимали под «самодержавием»?

независимая ни от каких сословий власть царя и бюрократического аппарата;

Дворянская монархия;

царская монархия, ограниченная дворянскими органами;

царская власть, основанная на идее «единения царя и народа».

20. Лидером партии СРН не являлся:

К. Н. Леонтьев;

Д. А. Хомяков;

А. И. Дубровин;

Н. М. Пуришкевич.

Глава 2

Власть и партии в условиях революционного кризиса и межреволюционный период: реформаторы и революционеры (1905–1917 гг.)

Целевая установка *модуля* предполагает, прежде всего, фокусирование внимания на попытках формирования партийной системы в ходе легализации общенациональной оппозиции в условиях революционного кризиса (1905–1907 гг.) и в межреволюционный период. Обращается внимание на то, что данный процесс в России проходил не просто в ходе противоборства двух политических сил, как это было на Западе (реформаторов и консерваторов), отождествляемых с борьбой между либеральным движением и различными ветвями государственной власти. Для России с ее специфическими циклами развития было характерно постоянное присовокупление к вышеназванным силам третьей – революционной [экстремистской]. Тем более, что власть, даже проводя реформы «сверху», чаще всего действовала как сила маргинальная, не умевшая корректировать их ход в соответствии с импульсами, шедшими «снизу», и не улавливавшая своевременно настроения критической массы населения, тем самым революционизируя его. Исходя из данной целевой установки, раскрытие содержания модуля предполагает анализ следующих проблем:

- общенациональная оппозиция авторитарному режиму и ее легализация;
- либеральные партии на путях реформистской альтернативы;
- леворадикальные партии. Наступление на власть;
- власть и оппозиция в годы первой мировой войны. Прогрессивный блок.

2.1. Общациональная оппозиция авторитарному режиму и ее легализация

В начале XX в. Россия вступила в полосу широкомасштабных социально-политических потрясений, радикально изменивших весь складывавшийся столетиями облик державы, направление ее дальнейшего развития. Неравномерный и противоречивый характер развития страны, ее многонациональный характер превратили российское общество к началу XX в. в чрезвычайно пеструю структуру, отдельные элементы которой являлись воплощением по существу различных исторических эпох. Как писал Н. А. Бердяев, «ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX века и даже до века грядущего, до XX века». Все это очень затрудняло поиск оптимальных с точки зрения обеспечения социальной стабильности и эффективности управления форм обновления российской государственности, ибо каждая их «эпох», которые одновременно «переживались» страной, предъявляла во многом противоположные требования к принципам построения власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.